

A woman with brown hair in a ponytail is shown in profile, facing right. Her face and neck are covered in intricate body paint that resembles fish scales. The scales are painted in shades of green, yellow, and blue, with darker blue around the eyes and on the neck. She has bright yellow eyes. She is wearing a black turtleneck sweater. The background is a dark, solid color.

Д
а
л
ь
н
и
й

9-й ДЕНЬ НЕДЕЛИ

Дальний 9-й день недели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39145067

ISBN 9785449368140

Аннотация

Журналист и полицейский снова в центре противостояния двух могущественных сил. На этот раз поле битвы – политическая арена. Политический триллер «9-й день недели» – продолжение фэнтези «8-й день недели». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	61
Глава 10	65
Глава 11	66
Глава 12	69
Глава 13	71
Глава 14	78
Глава 15	82
Глава 16	85
Глава 17	92
Глава 18	97
Глава 19	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

9-й день недели

Дальний

Фото и дизайн обложки Наталья Галахута

Модель Валентина Калинич

© Дальний, 2019

ISBN 978-5-4493-6814-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лисёнку

Журналист и полицейский снова в центре противостояния двух могущественных сил. На этот раз поле битвы – политическая арена. Политический триллер «9-й день недели» – продолжение фэнтези «8-й день недели».

Глава 1

Фары несущегося по ночной дороге мощного внедорожника не в силах разогнать ночь. Мужчина это понимает, но, тем не менее, утапливает педаль акселератора сильнее. Мгла сгущается, из чёрной становится непроницаемой. Плотный туман, укрывающий одеялом землю, делает окружающую обстановку похожей на сцену голливудского фильма ужасов.

Мужчине и самому уже кажется, что он – актёр в этой постановке. Медленно бредущий по влажной траве. На огонёк, сиротливо мерцающий вдаль. По телу пробегает дрожь. Но не от холода, не от промозглой, стылой росы и насквозь промокших ног, а от чего-то другого. *От ощущения неведомого*

За спиной проухала сова. Ветер то играет с волосами, то стихает. Затем снова берёт в руку невидимую расчёску. Огонёк, хотя и увеличивается в размерах, но настолько медленно, что кажется призрачным и недостижимым. Земля под ногами становится мягче, идти с каждым шагом всё труднее и труднее. Мужчина остановился, чтобы отдышаться. Лицо застит пот, рубашка насквозь промокла. Рука по привычке полезла в карман брюк. Но через мгновение мужчина грязно выругался и сплюнул.

– Вот чёрт! Забыл сигареты.

Меж тем призывный свет огонька продолжает манить. Со-

бравшись с силами, мужчина снова идёт. Ноги по щиколотку утопают в жирном чернозёме, но он старается не обращать на это внимания. На пути то и дело попадаются старые трухлявые доски вперемешку с металлоломом. Те, что полегче, можно просто откинуть в сторону, а иные приходится обходить. Обходить приходится и могучие старинные деревья, словно исполины возвышающиеся над окружающей обстановкой. Холодной и мертвенной. Ветви раскидистых крон несколько раз больно хлестнули по лицу.

Стиснув зубы и стараясь не обращать на это внимания, мужчина упорно продолжает движение. Пока не поскользнулся на плоской металлической поверхности и растянулся во весь рост. Сияясь отвлечься от звона в ушах, провёл грязной ладонью по неопознанному предмету. *Металлическая коробка, наполовину ржавая.* Шершавая поверхность при ближайшем рассмотрении оказалась остатками облупившейся краски. Цвет различить сложно. *Кажется, голубой.* Человек снова ощутил острый приступ желания покурить. И снова с сожалением вспомнил, что не взял с собой сигареты. *Что делать? Идти*

Внимание привлекла овальной формы нашлётка на плоской поверхности. На ней что-то изображено. Но что именно – разобрать сложно: яркая луна скрыта непробиваемой завесой облаков. Однако в их плотном строе наметился прогал.

Через минуту станет светло, и я увижу, что изображе-

но на загадочном овале

Мужчина принялся терпеливо ждать. Прикинул на взгляд примерное количество времени, через которое свет луны прольётся на землю.

Сорок, тридцать девять, тридцать восемь...

Вынужденное бездействие заставило почувствовать холод. Влажная от пота рубашка противно прилипла к телу. Он зябко поёжился.

Двадцать три, двадцать два...

На счёт «пять» пространство вокруг стало светлым, как днём. Человек резко приблизился к овалу... А за мгновение до этого пришедшая на ум догадка подтвердилась с ужасающей откровенностью. Он отстранился от изображения, оказавшегося старинной фотографией, и начал затравленно озираться.

Так и есть

Тело мгновенно накрыла адреналиновая волна, прогнавшая холод и оцепенение. Мужчина с воплем вскочил и бросился прочь. Поскорее от этого места. Вперёд к спасительному, мерцающему вдали огоньку. На ходу огибая то тут, то там встречающиеся ранее казавшиеся такими странными плиты. Теперь они были не странными, но *зловещими*. Редкие из них стоят прямо. Основная масса покосилась или вообще лежит на земле...

– Пап, а что было на этой фотографии? – Мужчина вздрогнул от неожиданности. Он не сразу узнал в детском голосе

дочь. *Я что, думал вслух?* Он повернул зеркало заднего вида так, чтобы видеть ребёнка лучше.

– На этой фотографии... – Мужчина почувствовал ком в горле и замялся. – На этой фотографии изображена женщина.

– Красивая? – Девочку всё сильнее распирает любопытство.

– Не знаю. – Мужчина вдохнул поглубже и поправил зеркало. – Возможно, она была красивой. Кто знает? Было темно, и лица не разобрать. К тому же фото наполовину стёрто.

– Жаль. – Девочка печально вздохнула, затем продолжила с надеждой: – Пап, а может, там ещё что-нибудь было написано? Ну, на этом камне.

– На камне? – Удивлённо переспросил мужчина. Он мельком глянул на спящую жену. *Беззаботная и безмятежная.* Длинная дорога всегда клонила её в сон.

Дочь подарила удивлённый взгляд.

– Ну да. Ты же сам сказал, что там были и металлические плиты, и каменные.

– Не помню... Ну, да ладно. – Мужчина провёл ладонью по шершавой щеке. *Надо хорошенько выспаться и побриться.* А ребёнку, несмотря на позднюю ночь, спать совсем не хочется. *Сам виноват: придумал какую-то дурацкую историю. Страшилку, нагоняющую страх в неокрепшую детскую психику.* Впрочем, страха в глазах шестилетней дочери не наблюдается. – Ладно, Монстрик, слушай дальше. На кам-

не написано...

чёрт, какие есть старинные имена?

...мужчина впал в интеллектуальный ступор, затем выпал первое, пришедшее на ум:

– На камне написано «Морозова Аглая Глебовна». И годы жизни: 1892 – 1908.

– Какие годы жизни? – Монстрик от неожиданности подалась вперёд, но повисла на ремне безопасности. – Эта женщина умерла?

Ну вот, приехали. Теперь она точно до утра не сомкнёт глаз. Дорога петляет и не позволяет отвлекаться. Иногда в виде презентов подбрасывает ямы. Не успел вовремя отрулить – получи ощутимую встряску. Впрочем, даже она не в силах вырвать супругу из цепких лап сна.

– Получается, что так. – Мужчина пожал плечами. – Мы все когда-нибудь умрём. И окажемся там, где будут лишь надгробные плиты и тишина. Кстати, судя по датам, она умерла юной шестнадцатилетней девушкой.

– Пап, а отчего она умерла?

Мужчина не родной отец ребёнка. Он познакомился с её матерью на сайте знакомств. Полгода вялой переписки так и могли закончиться, как обычно такое общение и заканчивается – одноразовым сексом или вообще ничем. Но однажды мужчина плюнул, подорвал зад и переместил в машину. Поехал на другой конец города, чтобы отвезти ребёнка подружки по переписке на занятия танцами. Так и познакомились

вживую.

– Отчего умерла? – Переспросил он и задумался. – А отчего люди умирают? От жизни.

Однако ребёнок юмора не оценил.

– Это как?

Поэтому пришлось придумывать причину.

– Она заболела. В те годы медицина была менее продвинута, чем сейчас. Врачи долго боролись за её жизнь, но, к сожалению, безуспешно. Но она ушла тихо, во сне.

От недостатка света глаза устали и слезятся. Мужчина поёрзал на сиденье и прищурился, чтобы лучше видеть. *Вот, блин, поднял тему на ночь глядя.*

– Аа, я поняла! Тот человек не просто гулял по кладбищу. – Монстрик просияла. – Он навещал эту девушку.

– Возможно. – Мужчина недоумённо потёр лоб. Такая простая в своей очевидности мысль пришла в голову не взрослого человека, но ребёнка.

– Да, они были знакомы. И теперь мужчина ходит в гости к своей подруге на кладбище.

Даже из детских уст сочетание слов «в гости» и «на кладбище» звучит зловеще.

– Монстрик, послушай, так не говорят: «ходят в гости на кладбище».

– Почему? – Девочка непонимающе заморгала.

– Потому что «ходить в гости» означает что-то хорошее, приятное. – Какими другими словами донести свою мысль,

он не знал. – А кладбище – это печаль и слёзы, горечь утраты близкого человека.

– Пап, но ведь ей было бы тоскливо и одиноко без него. И он её не оставил. Разве это плохо?

Мужчина нахмурился и промолчал. В целом, мысль верная. Усопших надо навещать. Только важно помнить, что внимание более ценно при жизни. Незамеченная яма тряхнула машину. Монстрик отвернулась. Плотная пелена тумана за окном подступает всё ближе и ближе.

– Пап, мне страшно. – Монстрик посмотрела на него жалобно. – Я боюсь.

Это удивительно. Ведь только что придуманная на ходу зловещая история про одинокого человека её напугать не смогла. *И зачем я вообще начал про кладбище? Кто знает, обстановка навеяла.*

– От чего страшно?

– От тумана. Он какой-то... неестественный.

Неестественный

– Ты выучила новое слово?

– Что?

– Ничего.

Белая непроницаемая мгла вокруг и впрямь неестественна. Видимость неуклонно падает и, в конце концов, инстинкт самосохранения вынуждает сбросить скорость. Следить за дорожным покрытием невозможно, машина то и дело сотрясается. Сильнее – яма, слабее – заплатка или стык. Ко

всему отказал спидометр. *Надо заменить датчик. Но таким темпом мы доберёмся не скоро*

Никогда

– Пап, а я пошутила! – Монстрик весело улыбнулась. – На самом деле мне не страшно! – Она высунула язык. – Бе-бе-бе!

Мужчина вздохнул, чувствуя лёгкую досаду от подкола.

– Ну держись, плутовка! Расскажу тебе другую историю.

– Таковую же страшную?

Принадлежи эти слова взрослому, мужчина бы решил, что это сарказм. Но в устах ребёнка они звучат естественно и невинно. Тем не менее, он не удержался:

– Нет, блин! Весёлую и жизнеутверждающую. Вот слушай.

Монстрик с интересом заморгала.

– Когда-то, давным-давно, на этой самой дороге, по которой мы сейчас едем, случилась страшная история. Дело было ночью. Одна семья, папа, мама и дочка, ехали на внедорожнике в деревню. – Мужчина на секунду задумался. – Кажется, у них была старенькая «Нива». Стоял такой же густой туман. Он был настолько плотным, что фары машины оказались бессильны его пробить. И водитель снизил скорость до максимально разумной. Так они и плелись. Долго бы ехали, но, в конце концов, доехали бы домой. Но, на беду, девочка в «Ниве» говорит папе: «Папа, я кое-что вспомнила. У нас в садике воспитательница сказала, что когда едешь ми-

мо кладбища, нельзя говорить «мертвец, проснись!». Папа интересуется, мол, «почему?». На это последовал такой ответ: «воспитательница сказала, что это чёрное заклинание; мёртвые восстанут из могил». Водитель «Нивы» малолетней дочери не поверил. Говорит, «дочь моя, это всё сказки для запугивания детей». И далее в таком же духе. Потом сокрушённо добавил, мол, какую гадость рассказывают нынче воспитательницы в садике. Жена супруга поддержала и сказала чаду, чтобы та впредь в страшилки не верила. Потому что на самом деле существуют только хорошие силы.

Мужчина перевёл дух. От онлайн-сочинительства он даже подустал. *Жене никогда так складно не врал.* По странному стечению обстоятельств, в это самое время они как раз проезжали мимо старинного кладбища. Несмотря на то, что за туманом оград не видно, мужчина знает, что за белой непроницаемой стеной расположен погост.

– Пап, наверное, дети в садике говорили плохие слова, поэтому воспитательница и сказала им так.

Сделанное шестилетним ребёнком умозаключение порадовало пронизательностью.

– Да. – Согласился он. – Вполне возможно.

И почувствовал, что у истории теперь не один, а два рассказчика: он сам и Монстрик.

– А что случилось дальше? – Она с нетерпением ждала продолжения истории.

– Дальше вот что случилось. – Мужчина, для того, что-

бы включить воображение, представил сочиняемую историю воочию, в виде фильма. – Глава семейства говорит: «Смотри, дочь, я сейчас тебе докажу, что ваша воспитательница пошутила. Я позову их, но они продолжают спать». Дочь перепугалась и хотела отца остановить, но он уже начал: «Эй, усопшие, проснитесь! Слышите меня?». Затем опустил боковое стекло и повторил уже громче: «Слышите меня?! А ну вставайте из своих могил!».

– Пряма так и сказал? – Удивилась Монстрик. – Он что, ненормальный?

– Да. Пряма так и сказал. Меж тем ребёнок от страха принялся истерить. Прижался к маме и громко рыдает. Жена ругает мужчину: «Смотри, что ты наделал! Так же нельзя!». А он в ответ: «Ну я же прав. Верно? Никто не проснулся. Значит, не следует верить таким воспитательницам». Так они и спорили друг с другом, не замечая, как по обеим сторонам дороги из тумана начали вырастать надгробные кресты. И только ребёнок это увидел. Девочка закричала. Мама подумала, что дочь просто ещё не успокоилась, и прижала малышку к себе сильнее. А кресты, тем временем, выросли ещё больше и уже начали склоняться над машиной. Тут, наконец, мужчина с женщиной *это* узрели. И закричали от ужаса.

Надо ей отомстить! И мужчина сделал то, что мгновенно пришло в голову: изображая людей из истории, тоже закричал.

– Аааа!!

Монстрик от неожиданности вздрогнула.

– Пап, прекрати! – Заикаясь, жалобно пролепетала она. – Мне страшно!

Мужчина краем глаза посмотрел на продолжающую мирно посапывать жену. *Вот это сон. На зависть.* И, добавив театральности голосу, продолжил:

– От ужаса водитель «Нивы» изо всех сил нажал на газ. Мотор взревел, и машина полетела в неизвестность, в густой непроглядный туман. Они запросто могли врезаться в дерево, но это их нисколько не страшило. Лишь бы поскорее вырваться из проклятого гиблого места! Тут из тумана начали появляться фигуры в лохмотьях и комьях земли. Мужчины, женщины, дети. Полусгнившие, а некоторые и вовсе скелеты.

– Пап, мне страшно. – Монстрик заплакала. – Не надо, не надо!

Мужчина почувствовал удовлетворение. И одновременно – пламенное желание довести рассказ *до конца*.

– И мертвецы потянули руки к машине. Взирали пустыми глазницами, скалились страшными зубами...

– Папааа! – Монстрик уткнулась в спящую мать.

Прям как девочка из рассказа

– А через мгновение фары выхватили из темноты ужасное зрелище: дорогу перегородила целая армия оживших мертвецов! Мужчина мгновенно понял, что не сможет проехать, и инстинктивно нажал на тормоз. Машина встала, как вко-

панная. Мотор заглох, из-под капота повалил дым.

Рассказчик прокашлялся. Разбитая дорога, густой туман и саднящие глаза уже совершенно не волновали: он поймал творческий кураж и жаждал одного – придумать истории финал, рассказать до конца. Монстрик отвернулась и тихо всхлипывала. Глядя на неё, мужчина всё же сбавил тон, однако наделил зловещими заговорщическими нотками.

– Один из мертвецов отделился от толпы и сделал несколько шагов по направлению к «Ниве». Водитель дрожал от страха и не мог пошевелиться. Однако сообразил, что этот покойник – здесь самый главный. Живой труп осклабился остатками зубов и прохрипел: «Ты позвал нас, человек. И мы пришли». И дико захохотал.

Мужчина прекратил говорить и посмотрел в зеркало заднего вида. Монстрик его, кажется, уже не слушает. Лишь подрагивает, словно в судорогах. И крепко обнимает любимую игрушку – большого плюшевого слонёнка. Словно ищет защиту. Жена продолжает спать.

Хватит ужасов на сегодня. Зря не остановился вовремя

Переводит взгляд на дорогу и... изо всех сил бьёт по тормозам! Невольный крик ужаса вырывается из груди: прямо посередине дороги стоит живой мертвец. Он сделал шаг вперёд и осклабился страшными зубами.

– Ты звал нас, человек. И мы пришли!

И захохотал.

Мотор заглох и попытки его завести ни к чему не привели.

Из тумана начали выходить другие покойники. Ноздри защекотал едкий неприятный запах. Монстрик истошно завизжала. Мужчина нашёл в себе силы повернуть голову и бросить взгляд назад: вместо жены на сидении – такой же живой полуразложившийся труп.

Колганов проснулся и осознал, что кричит он сам.

Глава 2

В комнате жарко. Почти душно. Солнце, не сумев пробить плотное полотно штор, поступило проще и мудрее: просто обняло лучами-щупальцами весь дом. Однако, несмотря на это, его колотит озноб. Противный и беспощадный. Наквось промокшая от пота простыня приклеила тело к кровати. Намертво. Он было попробовал приподняться, но оставил эту затею. Бесцельное изучение потолка всколыхнуло воспоминания.

Дурацкий сон... Ночная дорога... Нива... Люди в салоне... Кажется, семья... Потом откуда ни возьмись мертвяки... Брр. Что за бред?

Колганов раздосадовано потёр виски. Голова тяжёлая, словно вместо мозгов – чугунный шар. Впрочем, это следовало не только из ощущений, но и ввиду безуспешных попыток включить умственную активность. Внезапный приступ тошноты заставил приподняться на локтях. Он жадно дышал и отирал со лба крупные капли. Отпустило так же внезапно. После болезненного дискомфорта слабость кажется приятной, даже сладкой. Немного придя в себя, молодой человек усилием воли всё-таки принял вертикальное положение.

Что такое? И ведь не пил накануне. Не пил? Да, не пил однозначно! Взгляд упал на доказательство осмысленного. Вон он стоит на прикроватном столике, любимый Monnet VS. Зо-

лотисто-янтарное содержимое не откупоренной бутылки кажется если не эликсиром бессмертия, то, как минимум, лекарством от всех бед. Пытаясь противостоять первому, самому естественному порыву – приложиться к горлышку, Колганов зажмурился. А когда открыл глаза...

Что это, чёрт подери? Откуда... Я это не приносил домой... Ничего не понимаю...

Зазвонил телефон.

Глава 3

Упругие струи воды щекочат кожу. Стекают по небритым щекам и спине, исполосованной шрамами. Приятная прохлада. Ему это нравится.

Надо сделать холоднее

Температура воды понижается, а настроение повышается. И решимость. Так было, есть и будет всегда: холод приводит мысли в порядок. Цель выкристаллизовывается и становится ближе. Такая ясная и... желанная.

Но надо ещё побриться. Обязательно! Ведь сегодня праздник. Сегодня главный день в жизни. День, который бывает не у всякого человека за всё время его бренного существования. А ему повезло.

Да, мне несказанно повезло! Через час, может, через два, осуществит своё предназначение. Сделает это профессионально и... красиво. Да, именно так. Красиво. На зависть окружающим.

Отеревшись грубым вафельным полотенцем, приступил к следующему ритуалу. Извлёк из кожаного чехла выдавшую виды клинковую бритву George Butler и принялся неторопливо затачивать на оселке. Здесь ни в коем случае нельзя спешить. Священный для мужчины, магический ритуал. Смочил камень водой и, придерживая инструмент указательным и большим пальцем, одновременно прижал гре-

бень и кончик лезвия. Аккуратно провёл бритвой вдоль камня. В конце последнего перевернул её через гребень и прижал таким же образом, но другой стороной. И снова, размеренно и вдумчиво, провёл инструмент уже в обратном направлении. Со стороны вроде бы легко, но только на первый взгляд. Необходимо сохранять угол и правильную силу нажатия. Сие приходит с опытом. Следующая процедура – доводка лезвия с помощью кожаного ремешка с абразивной пастой. Здесь свои нюансы. Положив лезвие на поверхность плашмя, потянул вдоль, тупой гребневой частью вперёд. Затем в обратную сторону. И так несколько раз. До тех пор, пока не удовлетворился результатом. Выставив на свет торцом, внимательно осмотрел режущую кромку и аккуратно, почти нежно, проверил остроту подушечкой большого пальца. И довольно улыбнулся.

Закончив с бритьём, взялся сочинять нехитрый холостяцкий завтрак. Яичница с ветчиной и крепкий цейлонский чай. Разумеется, без сахара. В клетке у окна остервенело заливаётся канарейка. Порция корма заставила пернатого немного успокоиться. Мужчина несколько минут разглядывал птицу странным взглядом. Словно пытался что-то сообразить.

– Ты лопай, лопай. – Наконец, заговорил он. – Вот вернись, заберу тебя, и мы отправимся в тёплые края. На юг. Чтобы никогда больше не видеть холодную ужасную зиму. Только ты, мой друг, и я.

Он замолчал, посмотрел в окно и снова перевёл взгляд

на жёлтый комочек перьев. Протянул руку к клетке, но резко отдернул и сел за стол. *Надо спешить. Цель не будет ждать.*

Сначала хотел облачиться в недорогой, но новый серый костюм. Затем, поразмыслив, пришёл к выводу, что со своей *ношей* будет выглядеть нелепо и подозрительно. Поэтому остановил выбор на светло-жёлтой футболке, приобретённой в один день с любимой канарейкой, и ярко-красных шортах. Образ довершили белая бейсболка и темно-коричневые сандалии на босую ногу. Самое то для пятидесятилетнего, ещё крепкого, мужчины. Немного постоял в коридоре, взял с виду обычную 19-литровую, наполненную до краёв, бутылку для кулера и захлопнул за спиной дверь.

И только сейчас, спускаясь по лестнице, ощутил дрожь и страх. *Страх.* Ладони и спина покрылись липкой противной испариной. Выкрашенные серой краской стены и распахнутое настежь окно поплыли перед глазами. Мужчина остановился на середине пролёта и попытался взять себя в руки. От неловкого движения бутылка выскользнула из скользких рук и только в последний момент, благодаря недюжинной реакции, сумел её поймать. *Дыши ровно, ровно, ровно. Успокойся. Приведи мысли и чувства в порядок. Цель близка. Цель совсем рядом. Иди, и ничего не бойся. Иди же!!*

Выйдя на улицу, залитую ярким солнечным светом, человек немного успокоился. Нарочито неторопливо, вдыхая тепло и энергию утра, направился к машине. Прежде чем захлопнуть бутылку в багажнике, аккуратно сдёрнул многора-

зовую пробку с капроновым уплотнителем, и приблизил лицо к горловине. В нос ударил характерный запах бензина.

Глава 4

Сдавленный звук old phone накрытого подушкой телефона раз за разом, всё глубже и глубже, пробивает сознание. Не сводя взгляда со странных предметов на прикроватном столике, Колганов нащупал айфон и выудил из плена. Даже не видя экрана, безоговорочно уверен, что знает, кто звонит. *В такую рань, а время 8.50, может звонить только Валя. Вернее, Валентина Кузьминична.*

Чуть за сорок, ростом лишь немногим меньше, чем колгановские сто восемьдесят пять, она досталась, так сказать, в наследство от предыдущего главреда Бергера. Скоропостижно скончавшийся в результате несчастного случая, Михаил Борисович Бергер назвал своё детище «Восьмой день недели» и никогда не расставался с верной помощницей. Колганов же, вступив на должность главреда, не только сменил название журнала на «Девятый день недели», но и собирался избавиться от прошлого в лице Валентины Кузьминичны. Но в последний момент передумал. Почему? Он и сам не знал ответа. Прежде чем ответить на вызов, прокашлялся.

– Егор Анатольевич, доброе утро. – Колганов всегда поражался её тону, одновременно вежливому и не терпящему возражений. Не дожидаясь ответа, продолжила: мягко и безапелляционно. – Хотела бы напомнить вам о предстоящей

встрече, запланированной на десять утра.

Молодой человек прекрасно ощущал немой укор в том, что время почти девять, а его, главреда и владельца издания, нет на рабочем месте. Сквозь тон секретарши так и сквозит: «Михаил Борисович никогда себе такое не позволял!». Однако спорить или как-то ставить её на место желания нет. Во-первых, рука... то есть язык не поднимается; ведь, в свою очередь, Валентина Кузьминична никогда не преступала грань дозволенного в отношениях «начальник – подчинённый»; во-вторых, настолько профессионально справляется со своими обязанностями, что только это и позволяет ему, непутёвому, просыпать начало рабочего дня и вставать с опухшей головой; в-третьих, да, если захотеть, можно ещё найти кучу причин.

При этом Колганов никак не может вспомнить, что за встречу накануне запланировал. *Спросить Валентину? Глупо, потому что она подумает, что я снова бухал. Хотя это и не так.* Впрочем, она же знает его как облупленного. Видит насквозь. Наверняка считает, что двадцатишестилетнему второсортному журналюге занимать пост главреда ещё рано. Но есть весомый аргумент «за» него: Михаил Борисович придерживался другого мнения, раз незадолго до смерти завещал «Восьмой день недели», абсолютно и полностью ему, юнцу, едва проработавшему в издании пару лет. *Так с кем же я должен встретиться? А, чёрт, разберёмся на месте.*

Меж тем странные предметы на столике будоражат мозг и разгоняют головную боль похлеще лекарств. Несмотря на то, что телефон находится прямо перед ухом, голос секретарши льётся откуда-то издалека, словно окутанный звуковым туманом. Колганов закрыл глаза, чтобы не видеть странные предметы, неведь каким образом оказавшиеся в квартире, и набрал в лёгкие воздух.

– Доброе утро, Валентина Кузьминична. Я уже почти оделся. Заканчиваю марафет и убегаю. *Кому ты врёшь, придурок?* Но всё равно большое спасибо за звонок.

Закончив разговор, Колганов ещё немного помедлил и протянул руку. Неведомый предмет оказался изящным золотым кулоном в виде змеи, держащей в широко раскрытой пасти солнце. Несмотря на кажущуюся хрупкость и изящество, от украшения исходит непонятное, зловещее ощущение. Молодого человека пробил озноб. На ум пришли странные ассоциации: Хэллоуин, ряженные люди, пляски и огонь. Люди танцуют, пьют и веселятся. Тело незаметно наполнилось ватой. Он закрыл глаза и устало откинулся на кровать. Пространство комнаты наполнилось жаром и коктейлем из запаха свечей, свежей краски, пота, конопли и ещё бог весть чего. Если приглядеться внимательнее, можно узреть ряженных подростков. *Что за хрень со мной происходит?*

Кто-то блюёт, кто-то занимается сексом, а кто просто лежит в отрубе. Вот Вампир кокетничает с Золушкой. Или наоборот. Она закуривает и предлагает ему. Кровосос сначала

мнётся, затем соглашается. У девушки не работает зажигалка, поэтому закуривают от вампиршей. Поодаль, в неестественной позе, прислонившись к дивану и запрокинув голову назад, сидит Элвис Пресли. Меж широко расставленных ног — Светильник Джека. А пытающаяся заниматься сексом парочка при более внимательном рассмотрении оказывается Вурдалаком и Королевой. *Гармоничное сочетание, однако.*

Громкая музыка становится ещё громче, а зеркальный шар вращается быстрее и быстрее. К прочим запахам подмешался ещё один, самый невыносимый. *Скорой неминуемой беды.* Журналист вполне осознавал, что находится здесь по своей воле и в любой момент может уйти, но... Как замороженный, смотрит и с замиранием сердца ждёт развязку. Пока ничего необычного не происходит. Пьяная вечеринка мажоров. И совсем неестественно, незванным гостем на этом празднике, смотрится высокая белоснежная статуя. Молодая красивая женщина в старинном, даже древнем, одеянии. По прекрасному лику пробегают отблески света и пламени. Кажется, ещё немного, и незнакомка сойдёт с пьедестала, чтобы величественно покинуть вакханалию, на которой ей не место. Через секунду взгляд улавливает около огромного окна непонятное движение. Мефистофель угрожающе находит чёрную кошку. Та, в свою очередь, пятится назад. Лиц подростков практически не видно, но возникает полное ощущение *страха* девушки. Пока Колганов пытается всмотреться в детали сцены, молодой человек бросается на себе-

седницу. Та успевает отпрыгнуть, но падает на пол. Только теперь видно её полное ужаса лицо и его... нет, лицом это не было. Во всяком случае, лицом живого человека. Скорее, страшная маска трупа из фильма ужасов. Девушка истошно кричит:

– Влад! Влаад! Влааад! О боже!

Его зовут Влад, машинально отметил журналист. И невольно вздрогнул, когда осознал, что на лице Влада-Мэфистофеля не маска, а... Тут время остановилось. Замерло. Как застыли и все находящиеся в гостиной. Наблюдаемое напомним Колганову музей восковых фигур. Затем, зеркальным шаром над потолком, бешено ускорилось.

Девушка-кошка вскочила и, оставив в руке незадачливо-го охотника оторвавшийся хвост, бросилась наутёк. Дорогу ей преградил шатающийся, с широко расставленными руками, Элвис. Из-под маски капает что-то зловонное, и не надо обладать широким воображением, чтобы понять, *что* под ней скрывается. Беглянка увернулась и от него и помчалась дальше. А пространство гостиной наполнили борьба живых с мёртвыми, крики, стоны и кровь. Льющаяся, брызжущая и фонтанирующая. Везде и всюду. *И громкая музыка.*

Колганов хотел взять пульт и убавить, но начавшийся из-за упавших свеч пожар перегородил дорогу. Инстинктивно молодой человек попятился назад. Пот застит глаза, но можно видеть, что, по мере того, как языки пламени отвоёвывают всё больше места, живых участников празднования оста-

ётся меньше. Рухнувшее с потолка перекрытие снопом искр и кусками огня разметало в стороны остатки интерьера. *Надо уходить. Я ничем не могу им помочь.* Последнее, на что обратил внимание, была статуя. Только теперь женщина бросила розу, которую прежде держала в правой руке, и в ужасе прижала обе ладони к лицу.

Журналист резко очнулся и вскочил с кровати, жадно глотая воздух. Кулон отлетел куда-то в сторону. На непослушных, негнущихся ногах медленно подошёл к окну и... на мгновение ощутил острый порыв выброситься. *Ну а как ещё избавиться от этого кошмара?* К ужасу и непониманию, тело покрылось множеством мелких ожогов и волдырей. *Что за чертовщина происходит? Надо срочно принять душ и...*

На прикроватном столике оставался нетронутым второй странный предмет. Впрочем, со стороны выглядевший вполне буднично: свежая, будто только что срезанная, берёзовая ветвь. Молодой человек наполнил водой вазу и взял ветку...

...Уставшее от истязания огнём тело наполнилось негой. Кисть самопроизвольно сжала стебель сильнее, а глаза закрылись. Он покачнулся. На секунду прошила мысль о том, что сейчас упадёт, но также исчезла, растворившись в глубинах сознания. Теперь окружают не жар и зловоние, а приятная прохлада и запах травы. И темнота, разбавляемая далёкими звёздами над головой. Упругие порывы ветра пробирают насквозь. Вдали призывно мерцает огонёк. Колганов

берёт курс на него. Чтобы не замёрзнуть, прибавляет ход. Ноги босы, а брючины насквозь мокрые от росы, но это ни-сколечко не волнует. Изредка раздаётся шуршание убегающих прочь ночных обитателей поля. Но Колганов, как заво-роженный, видит пред собой лишь одну цель, расплывающуюся световым пятном. Не считает ни времени, ни пройденных шагов. Это бессмысленно. Ведь начни – обязательно со-бьёшься со счёта. Потому что разум застыл, словно законсервировался. Сердце колотится как исступлённое, а нозд-ри вдыхают доселе неведомый, волшебный аромат. Подобно мотыльку, журналист упрямо стремится к *своему* источнику света.

Неопознанный светящийся объект растёт в размерах и по-степенно превращается в огромный костёр. Мерцание же оказалось обязанным хороводу танцующих вокруг него лю-дей. Немного позже выяснилось, что последние – облачён-ные в светлые полупрозрачные одеяния девушки. То взяв-шись за руки, то отпустив, они невесомо, почти порхая, дви-гаются вокруг вздымающегося в небо огня. Ритмика гибких тел невероятным образом совпадает с движениями языков пламени, и непонятно, то ли девушки вторят огню, или же он сам всецело в их власти. Колганов даже не помнил, как подошёл к огню и замер как вкопанный.

Меж тем, девушки легко сбросили едва прикрывающие тела одеяния и закружили пуще прежнего. Костёр отвечал огромными снопами искр, выбрасываемыми в небо и освещ-

щающими всё вокруг. Невероятная красота видимого настолько ошеломила молодого человека, что ему хотелось наблюдать за этим зрелищем вечно. Неожиданно танцовщицы склонились к подножию костра и замерли. И огонь, словно распускающийся цветок, медленно обнажил середину... незванный гость оказался не в силах устоять на ногах...

Надо поставить ветвь в воду и срочно собираться на встречу. Стоя в душе, чистя зубы и облачаясь в костюм, Колганов никак не мог выбросить из головы увиденное. *Точнее, померещившееся.* Даже другое видение, кровавого Хэллоуина и живых мертвецов, не в силах его затмить. Из-за этого по дороге в редакцию он пару раз едва не стал виновником ДТП. И, лишь войдя в кабинет и оглядев привычную рабочую обстановку, невероятным усилием вернулся в реальность. *Доброе утро, Валентина Кузьминична.*

Разум и сознание отказываются это принять. Это кажется сном, преследующим наяву... Прекрасная девушка и змея, свисающая чёрными кольцами с её левой руки. Правой она держит гада под широко раскрытой пастью.

Глава 5

– Доброе утро. Старший лейтенант Николаев. Как самочувствие?

Ещё до того, как ДПСник взмахнул полосатым жезлом, приглашая остановиться, мужчина в белой бейсболке и светло-жёлтой футболке почуял неладное. Из всего разношёрстного потока полицейский выбрал самую неприметную машину, которых пруд пруди – его серебристый «Солярис». Мужчина включил поворотник, свернул на обочину и плавно нажал на тормоз. До цели оставалось каких-то двадцать-тридцать минут езды плюс поправка на пробки.

Страх вернулся. Незванным гостем распахнул дверь сознания. Ладони вспотели и предательски дрожат. В зеркале заднего вида видно, как неспешно приближается страж порядка. Первый порыв – не дожидаясь подхода полицейского, выйти из машины с документами. Через секунду идея оказалась отвергнутой, поскольку такое поведение наверняка покажется подозрительным. Остаётся ждать. Достать документы и страховку, и ждать.

Полицейский, на вид которому лет двадцать пять, бегло пошарил глазами в салоне, благо отсутствие тонировки позволяет это сделать. Вместо ответа мужчина протянул документы. Пока ДПСник внимательно их изучал, мужчина внимательно рассматривал самого стража порядка: рослого, ши-

рокопличего и всего в веснушках.

– Валентин Павлович, ничего не употребляли накануне?

От волнения мужчина сглотнул. Размеренное повествование жизни в потоке оказалось грубо прервано человеком в форме. Рыжий веснушчатый юнец с полосатым железом и ощущением собственного всевластия наглым образом вторгся в его личное пространство. И не просто вторгся, а прошёлся с грязными ногами и развалился на любимом диване. К страху, сначала неуверенно и неловко, затем громче и напористее, подмешалось ещё одно чувство: желание убить наглеца. Мужчина в светло-жёлтой футболке может это сделать по счёту раз. Голыми руками. Он вообще может сделать с этим зарвавшимся юнцом всё, что угодно. *Но нельзя, нельзя.* Пойти на поводу у внезапно возникшего желания означает подвергнуть опасности осуществление миссии. А миссия, цель – превыше всего. Поэтому важно собрать волю в кулак и не позволить открыть багажник. Мужчина ответил, насколько возможно, спокойно и уверенно:

– У меня язва желудка, молодой человек. Мне вообще пить нельзя.

Старший лейтенант Николаев на мгновение сощурился, оценивая услышанное. Распрямился и постучал «правами» по ладони.

– Сожалею, Валентин Павлович. – Он улыбнулся. – Вот муж моей сестры тоже мучился язвой. Так ведь и не пил отродясь. А здоровье вона как повернулось. Кто-то цистернами

глушит, и хоть бы хны. А другой трезвенник, да занедужит.

– Жизнь – несправедливая штука. – Философски изрёк мужчина и сразу же об этом пожалел, поскольку ДПСник оказался настроен поговорить.

– Вы правда так считаете? – И, не дожидаясь ответа, продолжил. – Вот муж моей сестры, царство ему небесное, частенько её поколачивал зазря. И ведь не пил, не курил и вообще вёл здоровый образ жизни. Просто дури в нём водилось в избытке. И ведь не скажешь слова поперёк. Был такой детина, что лучше сделать вид, что не расслышал. На этом скверном характере, видать, язву и нажил. Уж не представляю, как сестрица моя с ним дальше бы жила, да помер он от остановки сердца. Просто так, неожиданно. Ходит-ходит, потом остановился и каак рухнет. Не помогли ни здоровый образ жизни, ни приехавшая «скорая». Сестра вздохнула свободно. Я очень рад. А вы, Валентин Павлович, говорите жизнь несправедлива. – И, вздохнув, вернул документы.

Мужчина даже предположить не мог, что полицейский окажется настолько болтливый и надоедливый. *Во всяком случае, лучше пусть тряндит, чем шмонает машину.* Неторопливо, нарочито спокойно убрал документы в бардачок. Следующую фразу, произнесённую полицейским, прекрасно расслышал, но изо всех сил захотел, чтобы она лишь послышалась. *Что?*

– Валентин Павлович, а давайте посмотрим багажник. – Безмятежно изрёк полицейский и, не дожидаясь реакции

водителя, направился к багажнику. Человек в светло-жёлтой футболке прекрасно знает, что следовать букве закона – значит составить протокол и пригласить свидетелей. Что не только займёт время обоих, но и гарантированно осложнит выполнение задачи. Если не воспрепятствует вообще. *А это неприемлемо.*

Мужчина внутренне сжался и... *страх растаял.* По венам растекалось умиротворяющее тепло, руки теперь не дрожали. Ловким движением вытащил из-под водительского сиденья охотничий нож... и спрятал обратно. *Надо всегда оставлять себе шанс.* Неизвестно, как сложатся события. С ножом удобнее и быстрее, но он не оставляет обратной дороги.

– Еду на дачу. – Мужчина кивнул на аккуратно разостланную спецовку цвета хаки, армейские ботинки и надёжно прикреплённую к боковине бутылку с прозрачной, чуть желтоватой жидкостью.

– Так дачи в другой стороне, – паренёк покачал головой, показывая жезлом в обратном направлении.

– Сначала надо забрать сестру с племянником. – Не моргнув глазом, нашёлся мужчина. – Попросили вытащить их на природу.

– Аа, понимаю. – Сначала протянул веснушчатый, затем недоверчиво покосился на бутылку с бензином. – А сивуха зачем? Говорили же, что не пьёте.

– Так это мужикам. – Мужчина пожал плечами. – Как ни

крути, верно говорят, что самогон – это жидкая валюта.

– Каким мужикам? – ДПСник положил лапищу на пробку бутылки и так внимательно её осматривал, словно видит впервые.

Мужчина сжал кулаки и стиснул челюсти. *Подобного при дурка вижу впервые. И где таких набирают?* Стоя за спиной полицейского, мысленно представил, как бьёт по почкам и, стянув бедолагу на асфальт, одним движением сворачивает толстую веснушчатую шею. Несмотря на дикое желание атаковать, прекрасно отдаёт себе отчёт в том, что это самое глупое и бессмысленное, что сейчас можно сделать. Пожалуй, хуже только получить пулю. Остаётся только следить за ситуацией и надеяться на лучшее. Это самое сложное, поскольку он привык не ждать, а действовать.

Пытаясь хоть немного расслабиться, мужчина поправил бейсболку и огляделся. Транспортный поток неторопливо плывёт мимо них. Водители и пассажиры с ленивым любопытством взирают на серебристый «Солярис» с открытым багажником и деловито копошащимся в нём полицейским. А водитель, крепкий мужчина в шортах, футболке и бейсболке, стоит рядом и хмуро смотрит вдаль. Вот полицейский, высокий рыжий здоровяк, вылез из багажника и обратился к мужчине. А тот, кажется, совсем его не замечает.

– Что, простите? – Мужчина задумался и не расслышал обращения.

– Я говорю, что за мужики, которым вы везёте сивуху? –

Повторил паренёк.

– Строители. – Мужчина снял бейсболку и сощурился от солнца. Ощущение теряемого времени выжигает изнутри. – У меня на даче работает бригада строителей. Возводят дом. Здоровенные такие деревенские мужики. Хорошо работают и уважают хороший отдых после работы.

Паренёк на несколько секунд задумался, затем глубоко-мысленно изрёк:

– Получается, это уже реализация самогона.

– Ну что вы, что вы. – Мужчина почувствовал, как холодная капля пота потекла между лопаток. – Просто застолье, не более того.

ДПСник, кажется устал. То ли от солнца, то ли от затянувшегося общения.

– Счастливого пути.

Видимо, хотел сказать что-то ещё, но передумал и махнул рукой.

– И тебе не хворать. – Даже глядя на широкую удаляющуюся спину в форме, мужчина никак не мог избавиться от ощущения тяжести.

Как в глубоком сне, захлопнул багажник, завёл мотор и влился в поток. Через час серебристый «Солярис» замер на парковке перед деловым центром, а мужчина долго смотрел на аккуратную вывеску «9-й день недели. Журнал». Наконец, решительно выдохнул и похрустел костяшками пальцев. *Время действовать.* Неторопливо вышел, открыл ба-

гажник и взвалил на плечо бутылку с жидкостью. Обычный офисный центр, обычная машина, обычный разносчик воды. Направляясь ко входу, не переставал думать о том, как же хорошо, что ДПСник сразу повёлся на бутылку с «самогоном», и не догадался заглянуть под разостланную спецовку. Ведь под ней чехол со снайперской винтовкой ВСК-94.

Глава 6

Прежде чем Колганов вошёл в переговорную, Валентина Кузьминична смерила его полным укора взглядом и напомнила, как зовут посетителя. Даже протянула для ознакомления визитку. «Ян Григорьевич Лазаревский». Дальше, информацию мелким шрифтом, Колганов читать не стал. Прежде чем пожать протянутую руку, успел хорошо рассмотреть гостя. Последняя оказалось странно холодной, а человека, невысокого сухощавого мужчину лет шестидесяти, вспомнить так и не смог. *Странно. Хоть убей, ничего не помню. Впервые договариваюсь и начисто об этом забываю.*

По факту звонка, тону секретарши можно предположить, что сия птица весьма важная. Не решившись начать с конкретики, свежеиспечённый главред зашёл издалека.

– Прошу прощения за опоздание, Ян Григорьевич. – Далее хотел было сослаться на пробку, но передумал. – Кофе, чай?

– Благодарю. Но не стоит беспокоиться. Предпочитаю исключительно грог. – По нейтрально-благодушному тону мужчины непонятно о его настоящих эмоциях. А грога у Колганова отродясь не было. Более того, молодой человек сей напиток никогда не пробовал. – На прошлой неделе, Егор Анатольевич, мой помощник и ваш секретарь догово-

рились о нашей встрече. С нашей подачи, разумеется. – Тут Ян Григорьевич сдержанно улыбнулся. – Речь пойдёт о размещении информационных пакетов организации, которую я имею честь представлять, в вашем уважаемом издании.

Если коротко, то смысл сказанного, несмотря на витиеватость, журналист уяснил. Остаётся неясным, банальная ли вежливость движет мужчиной или же вид его собеседника красноречиво вскрывает провалы в памяти. Рекламодатели с солидными бюджетами – мечта любого издания. А будучи ещё и владельцем «Девятого дня» он, Егор Анатольевич Колганов, так вообще должен быть персонально заинтересованным в людях, подобных Яну Григорьевичу. Собственно, так оно и есть на самом деле.

– Слушаю вас внимательно, Ян Григорьевич. – Колганов нашёл в кресле позу, при которой голова болела меньше, и замер.

Гость, прежде чем заговорить, смахнул со столешницы несуществующую соринку и оглядел обстановку переговорной:

– Как вам известно, не за горами выборы президента. Это самое важное государственное событие. – Он немного помолчал и сдержанно улыбнулся. – Если не брать во внимание приказ на ядерную атаку. Будучи руководителем предвыборного штаба, представляю интересы кандидата в президенты Иванова Владимира Владимировича. Вам знакомо это имя?

– Разумеется. – Подтвердил Колганов. – В прошлом про-

стой сельский учитель. Сейчас преуспевающий бизнесмен, инвестирующий, в том числе, в социальные проекты. Его имидж строится на показной близости к народу, на умении найти подход к каждому.

– Совершенно верно. – Ян Григорьевич, кажется, оказался удовлетворён осведомлённостью собеседника. – Программа Владимира Владимировича пишется нами. А мы прекрасно знаем свою работу.

– Простите, не могли бы вы уточнить, кто это «мы»? – Поинтересовался журналист. Не то, чтобы тема разговора интересна и увлекательна, просто никто не любит недопонимания.

– О, разумеется. – Ян Григорьевич развёл руками. – Мы – это сплочённая команда, сторонники и единомышленники. Люди, равнодушные к будущему России. Вам, Егор Анатольевич, ведь тоже не всё равно, что именно ждёт впереди всех нас? Вам не безразлично будущее как государства, так и вашего издания?

Колганов невольно задумался о том, как же много людей в костюмах от Brioni, заботящихся о будущем России. Вот они, два человека в комнате. Пожилой мужчина и парень. Один в дорогом классическом костюме, шикарной сорочке и туфлях за тысячу евро. Предпочитает ни разу не русский грог. Второй в потёртых джинсах, дешёвой футболке и кедах. За всё про всё тысяч пять. Ну, максимум, семь. Рублей. Довольствуется космополитным кофе. И при этом один, *кто*

богаче, радеет за Родину, а второй...

А я, типа, нет? Впрочем, Родина ли тебе Россия, господин Лазаревский? Хороший вопрос...

– Тут ответ очевиден. Вы мастерски и довольно быстро объединили две мысли: заботу о родине-журнале и победе Владимира Иванова. Словно одно без другого невозможно. – Резонно заметил журналист. – Загвоздка в том, что я не вхожу в вашу команду и не являюсь, тем более, политтехнологом.

– Политическим консультантом, – поправил мужчина.

– Пусть будет по-вашему. – Колганов не стал спорить. – Но вы ведь не станете возражать против утверждения, что необязательно являться сторонником Владимира Владимировича, будучи патриотом.

– Конечно, конечно. – Ян Григорьевич оказался настроен более чем благодушно. – Все кандидаты достойны, все имеют право продвигать свои программы. – Он замер, поскольку двери распахнулись и в переговорную вплыла Валентина Кузьминична. Поставив чашку чёрного кофе без сахара перед Колгановым, а стеклянный бокал с ручкой с дымящимся золотистым напитком и блюдце с ломтиками лимона перед Яном Григорьевичем, так же молча удалилась. Колганов, в отличие от собеседника, удивился оперативности и находчивости секретарши. Ян Григорьевич же невозмутимо поднял стакан и с видимым наслаждением пригубил напиток.

– Норд-вест, – едва слышно прошептал он.

– Простите, что? – Не расслышал Колганов.

– Норд-вест. – Гость повторил уже громче. – Любимая степень крепости. Британские моряки давным-давно условились, что «норд» станет означать собственно ром, а «вест» – воду. Отсюда «норд-вест», означающее ром и воду в соотношении один к одному.

– Весьма занятно. – Колганов сделал глоток кофе и провёл языком по ноющему зубу. – Будем считать, что я пополнил коллекцию знаний об алкогольных напитках.

Это было сказано обычным тоном, однако собеседник чётко уловил тенденцию.

– Прошу прощения за отход от темы. Разумеется, цену ваше время так же дорого, как и своё. – Ян Григорьевич поставил бокал на стол и продолжил. – Предлагаю вам размещать нашу информацию, в том числе предвыборного, агитационного характера. С нашей стороны гарантии законности и, конечно же, достойная оплата.

Повисла неожиданная для журналиста пауза: Колганов настроился на достаточно продолжительную речь собеседника. Однако тот обладает даром говорить не только ёмко, но и кратко. За дверью слышался голос разговаривающей по телефону Валентины Кузьминичны. Затем раздался осторожный стук. Секретарь, отвлекаясь на стучавшего, прервала телефонный диалог. Ян Григорьевич аккуратно поднял стакан и отпил грога. Гость не решался нарушить тишину

по этическим соображениям, хозяин кабинета же, во-первых, прекрасно знал, к чему заведёт разговор, во-вторых, мучился головной и примкнувшей к ней зубной болью.

– Весьма интересное предложение. – Наконец, решился Колганов. – Но, понимаете, такие решения не принимаются сиюминутно.

– Именно поэтому разрешите представить вам коммерческое предложение. – Ян Григорьевич достал из небольшого чёрного портфеля тонкую папку и положил перед главредом. – Несмотря на то, что это только проект нашего соглашения, мы максимально учли ваши интересы и, как следствие, интересы журнала. Более того, я готов поставить свою подпись немедленно.

Журналист бегло просмотрел документ, и предчувствие его не обмануло: означенная на бумаге сумма оказалась внушительной даже для Москвы.

– Вы сменили старое название «Восьмой день недели» на новое «Девятый день недели», формат и серьёзно перетряхнули коллектив. – Ян Григорьевич демонстрировал неплохую осведомлённость. – Весьма отважное решение в наше нестабильное время. Поэтому наше сотрудничество, а говоря точнее, его финансовая составляющая, придётся вам весьма кстати.

Действительно, Колганов сменил вывеску и не оставил камня на камне от прежнего формата издания. Если прежний «8-й день» специализировался на псевдонаучной фанта-

стике, мистике и эзотерике, то новый, сменивший название, начал развивать тему новых технологий, лайфхаков и острых проблем, интересующих молодёжь. Например, отсутствие социального лифта. У Колганова есть ворох идей, как молодым людям реализоваться, не уезжая за границу. И «9-й день недели» должен стать информационной платформой, посредником между правительством и талантливой молодёжью.

В перспективе Колганов хотел набрать штат молодых коллег-единомышленников и периодически устраивать мозговые штурмы для определения новых векторов развития журнала. Чтобы не замыкаться, не костенеть в рамках одного формата. В результате потерял в старых подписчиках и продажах. От него отвернулись прежние рекламодатели и ряд сотрудников написали заявления на увольнение. Тираж упал более чем вдвое, и финансовой подушки, чтобы пережить время выбирания из ямы, не было. Иногда даже думалось, что такое положение – следствие того, что на раскладке клавиатуры цифра 9 соседствует с обратной круглой скобкой, обозначающей в интернет-общении печаль.

Вместе с тем, особое желание продолжать общение и, тем паче, вступать в сотрудничество с Яном Григорьевичем, отсутствует. Может, в этом повинен отрешённый стальной, едва покрытый тонкой оболочкой вежливости, взгляд мужчины, или же его необычно холодная рука, навевающая стойкое ощущение рукопожатия с покойником? Кто знает.

Журналист смотрел на собеседника и снова задумался о том, что различий между ними, кроме очевидных, на самом деле гораздо больше. И дело не в одежде и машине, на которой каждый сюда приехал. Различия коренятся гораздо глубже и основательнее. Они смотрят на мир разными глазами и *ощущают* его не одинаково. Подмечают и акцентируют внимание на вещах, находящихся на разных плоскостях. Да у них вообще *разные миры*. Кому как не Колганову, набившему руку на придумывании новых миров, об этом знать.

– Ян Григорьевич, меня немного беспокоит размер суммы, которую вы предлагаете. – Молодой человек решил не тянуть кота за хвост. – Мы же оба прекрасно понимаем, что ваши вложения не отобьются. Наш уровень не соответствует вашему предложению. Мы ежемесячно теряем в тираже, от меня уходят старые сотрудники, а новым не могу предложить нормальной оплаты. И неизвестно, протянет ли издание хотя бы полгода.

– Не спешите с выводами, Егор Анатольевич. – Ян Григорьевич говорил спокойно, даже вкрадчиво. Однако Колганову показалось, что тот начинает терять терпение. – Мы очень, и очень хорошо подумали, прежде чем обратиться к вам. Вы повысили планку, а репутация – это всё. Ведь если «Восьмой день недели», да простит меня Михаил Борисович, царство ему небесное, восхвалял и имел единственной темой, скажем так, глупость человеческого ума, то ваш

«Девятый день» наоборот, сплачивает вокруг себя креативно мыслящих и настроенных решительно действовать молодых людей, будущее России. – Мужчина прервался на глоток грога, затем продолжил. – У вас появится возможность нанять новых сотрудников и расширять спектр освещаемых тем. Дальше – увеличение тиража и приглашение вас в качестве эксперта на телевидение. Скажу предельно откровенно: у нас есть такая возможность. Перед вами откроются новые двери, новые горизонты, и вы даже не представляете, что выправить положение дел издания – гораздо проще, чем кажется на первый взгляд. Пусть сейчас нелегко, но подниматься всегда труднее, нежели скатываться. У нас много общего: вы смотрите вперёд, мы тоже заботимся о перспективе.

Колганов взвешивал «за» и «против». Стало очевидно, что Ян Григорьевич намеревался подписать контракт именно сейчас. Более того, он был уверен, что у него это получится. Кто же в здравом уме откажется от подобного предложения? Такое бывает раз в жизни, и то не у всех. Имея на руках такую сумму, можно инвестировать её в развитие журнала, а можно и, дождавшись окончания срока соглашения, просто слить «9-й день» по дешёвке и уехать куда-нить к хорошей жизни. Напрягает же, как ни странно, именно размер предложения. Было бы не удивительно, если за такие деньги Ян Григорьевич захочет чего-то большее, нежели просто присылать материалы для печати или возить своего кандидата на интервью.

– «Восьмой день недели», да и «Девятый» тоже, – начал было Колганов, – никогда не затрагивали тему политики...

– Это не только и не столько политика. – Ян Григорьевич решительно подался вперёд и перебил собеседника. – Это материалы на злобу дня. Самые актуальные вопросы, интересующие большинство простых людей. Увидев номер на прилавке, человек встретит отражение наболевших вопросов и захочет журнал купить. Зайдя на сайт – будет читать и комментировать, ставить лайки и увеличивать статистику посещений. Всё это – не только результат вашей работы, приносящий удовлетворение и профессиональную гордость, но и, в конце концов, деньги.

Журналист представил, сколько таблеток от головной и зубной боли сможет купить на заработанные деньги. Ещё предложение касательно телевидения. На которое, разумеется, его никогда не приглашали. Тем более в качестве эксперта. *Какой из тебя, блин, эксперт.*

Как часто бывает и в личных отношениях, излишняя настойчивость одного вызывает у другого желание поманипулировать, продать себя подороже. Поэтому Колганов и соглашаться не стал, и мост не сжёг.

– Тем не менее, Ян Григорьевич, мне бы хотелось изучить соглашение внимательнее.

Ян Григорьевич поднялся и протянул руку:

– В таком случае разрешите откланяться.

Молодой человек, прежде чем ответить на рукопожатие,

мгновенно вспомнил, какая она холодная, и чуть замешкался. Ян Григорьевич величественно прошествовал к выходу и, только проводив визитёра взглядом и потянувшись за недопитым кофе, Колганов с удивлением обнаружил лежащий на боку стакан с разлитым грогом.

Глава 7

Ян Григорьевич попрощался с секретаршей и вышел. Сел на заднее сиденье представительского мерседеса чёрного цвета и задумался. Он не расстроен и не раздосадован. Он взбешён. Просто взбешён. Однако усилием воли и многолетней привычкой взял себя в руки. Какой-то юнец ему отказал. *Мне, Лазаревскому Яну Григорьевичу. Желторотый сопливый мальчишка, абсолютно не имеющий опыта руководства масс-медиа. Бергер был другим.*

Действительно, покойный предшественник Колганова был совершенно другим человеком. Основатель «Восьмого дня недели» и его идейный вдохновитель никогда не отказывался размещать материал, предоставленный Яном Григорьевичем. Формально политикой там и не пахло, ведь издание имело другой профиль. Но если политику рассматривать как искусство управления государством, то любой материал можно считать политическим. Ведь информация воздействует на читателя, несёт побудительный или запретительный мотив.

Хочешь продать амулет, защищающий от злых сил? Тогда придумай сказку о битве светлого с тёмным. Хочешь, чтобы народ выполнял твою волю? Наполни действия идеей. И Бергер не подвёл: вышел на новый, более высокий уровень предложения контента – его *синтезацию*. Вместо разработки тем

и поиска интересующей информации, начал её собственноручно *создавать*. *Придумывать идеи*. Чем приятно удивил Лазаревского. Тот увидел в Бергере не просто назначенца, но *единомышленника*. Ведь далеко не секрет, что Михаил Борисович хоть и основал журнал и придумал соответствующее название, но сделал это на деньги Яна Григорьевича. Заслуга Бергера в том, что из замшелого журнальчика для умственно незрелых, «8-й день недели» за короткий срок превратился в мощное издание с армией фанатов.

Что и требовалось Яну Григорьевичу

Бергер правильно рассудил, что человек нетребовательно относится к потребляемой информации. Что двуногому прямоходящему нужно? Заранее готовое объяснение происходящему и ободрение. Почему именно эти две вещи? Всё просто: готовое объяснение необходимо потому, что человеческий мозг крайне настороженно воспринимает всё новое и неизведанное – сие может таить смертельную опасность. Подобная реакция – защитный механизм, заложенный природой. Отшлифованный веками и тысячу раз доказавший свою правоту. Со страниц «8-го дня» Михаил Борисович лил сотни мистических, потусторонних статей. Причём немало материала брал из повседневной жизни, новостей и тому подобного. А чтобы читатель не только хавал, но и думал, что ему понравилось – в конце давал объяснение. Разумеется, *своеё*. Лепил *собственный, альтернативный* мир. И многим такой подход нравился. Это интересно, ведь заставляет от-

влекаться от мира реального. В котором куча проблем, инфляция и абсолютное отсутствие возможности у обычного человека повлиять на политическую жизнь страны. А чтобы читатель потреблял с ещё большим удовольствием – объяснение было не менее таинственным и укладывалось в стройную, упорядоченную структуру мира Бергера.

А зачем нужно ободрение? Опять же, всё дело в человеческой природе: люди не любят возлагать на себя обязательства и нести ответственность за принимаемые решения. А если ты, образно говоря, со страниц журнала хлопаешь читателя по плечу и говоришь «чувак, всё будет окей! не парься!», то снимаешь ответственность с него и возлагаешь на себя. Как результат – к тебе бегут толпой и раскупают тираж на последние деньги.

Бергер умело внушал читателям, что они могут всё. Абсолютно всё. Разумеется, в мире Бергера, в мире «Восьмого дня недели». А если что-то не получается, в этом есть некий смысл. Следующий логике и вписывающийся в общую картину. Так главред стал гуру, а журнал – божественным откровением. Такое даже не планировалось, а вышло как нельзя лучше: вместо множества читателей, готовых прислушаться к мнению редакции, вышла армия фактически религиозных фанатов, преданностью соперничающая с сектантами.

Люди делились своими историями и спрашивали советы, организовывали форумы и привлекали неофитов. «Восьмой день недели» стремительно рос и обретал всё большее влия-

ние. Бергер даже подумывал о выпуске линейки товаров под одноимённым названием.

Для Яна Григорьевича, к тому моменту начавшего представлять интересы кандидата в президенты России, сложилась идеальная ситуация. Поддержка изданием Иванова хоть и не гарантировала безоговорочную победу, но являлась внушительным козырем. Шутка ли, многомиллионные тиражи и федеральный размах. Более того, помимо представительства на рынках периодики стран ближнего зарубежья, готовилась и англоязычная версия. Но что-то пошло не так.

Бергер скоропостижно скончался. Лазаревский имел несколько предположений о причинах, но до конца ни в одной из них уверен не был.

Михаил Борисович высоко ценил профессионализм Колганова, несмотря на молодость последнего. Именно поэтому после его смерти Ян Григорьевич принял решение назначить молодого человека на пост руководителя журнала. Тот не знал статуса-кво в издании и считал именно Бергера человеком, которому обязан своим повышением. *Этот выскочка даже не подозревал, что разговаривает с человеком, который и возвёл его на должность главного редактора.* Формальная сторона, а именно документы, прошла без проблем. Проблемы начались позже.

Сначала Колганов изменил название. На редакцию обрушился шквал возмущённых звонков и тысячи гневных писем. Коммерческий директор, не желая принимать участия

в войне с рекламоделателями, предрёк скорый крах журналу и сразу написал заявление на увольнение. За ним потянулось больше половины рекламной службы: коммисионные, составляющие основную часть заработка менеджеров по продаже рекламы, резко упали. Рекламоделатели угрожали судами: их не удосужились даже предупредить. Дошло до того, что резко увеличилась доля материала из «загона» – резерва для срочной замены снятых из номера публикаций. Вместо того, чтобы прислушаться к окружающим, например, редколлегии, пытавшейся вернуть его на путь истинный, Колганов пошёл дальше: в корне изменил формат. Мир «Восьмого дня недели» -Бергера целенаправленно и стремительно разрушался. Да, была выпущена коротенькая редакторская статья с жиденькими обоснованиями грядущих перемен. Что лишь подлило масла в огонь: разгорячённые читатели устраивали под окнами редакции пикеты, угрожали новому главреду физической расправой и даже грозились выпустить «Новый 8-й день недели» как продолжение старого. Однако ничего не помогло. Колганов остался непреклонен.

К Яну Григорьевичу закралось подозрение, что новым главредом движет скрытая ненависть к прежнему изданию. И он успокоится лишь после того, как останется только архив. *Если так, то в чём причина? Не нравится – смени редакцию. Или вообще профессию.*

Лазаревский вплотную задумался, не является ли выбор

Колганова ошибкой. Бергер придал «Восьмому дню» настолько мощный толчок развития, что на обозримую перспективу его хватит. Поэтому главредом можно назначить сотрудника редакции, или нанять профессионала на стороне. Разумеется, компетентность имеет значение, но пример Колганова показывает, что происходит при её наличии и отсутствии лояльности к традициям. Сейчас главное – отсутствие в кандидате необузданных порывов отсебятины и прочей инициативности. Требуется лишь наличие исполнительности и способность не задавать лишних вопросов. Человек уясняет вектор направления и действует по строгим правилам. Для начала этого достаточно.

Разумеется, идеальный вариант – единомышленник. *Как Бергер.* Но встретить или вовлечь такового в свою орбиту – вообще большая удача.

Ян Григорьевич сменил положение тела в роскошном кресле и покрутил запонку от Atelier Yozu. Для решения возникшей проблемы требуется решение. И оно имеется. К сожалению, нет абсолютной уверенности в том, что оно единственно верное. Но, тем не менее, попробовать стоит. Вся его насыщенная событиями жизнь состоит из решений задач и поиска ответов на вопросы. Напротив мерседеса припарковался серебристый «Солярис». Водитель, мужчина в ярко-жёлтой футболке и белой бейсболке, некоторое время сидел неподвижно. Затем повернулся в сторону Яна Григорьевича. Тот опустил тонированное стекло и мужчины несколь-

ко секунд молча смотрели друг на друга. Наконец, Ян Григорьевич едва заметно кивнул мужчине и приказал водителю трогаться.

Глава 8

– Валентина Кузьминична, я хотел бы побольше узнать о нашем визитёре. – Колганов намеревался пройти в кабинет, однако, к вящему удивлению, ответ на свой вопрос услышал сразу.

– Лазаревский Ян Григорьевич, семьдесят три года. – Женщина сначала чеканила каждое слово, затем продолжила быстрее. – Из них тридцать три состоял на дипломатической службе в Министерстве иностранных дел. Имеет два высших образования – юридическое и экономическое. Причём по последнему защитил докторскую диссертацию. Свободно разговаривает на английском, немецком, греческом и иврите. Вдовец. Супруга, Лазаревская Елена Марковна, много лет назад в результате несчастного случая утонула. Имеет дочь, Маржану. Однако та меньше месяца назад пропала при таинственных обстоятельствах. Поиски продолжаются. Но, к сожалению, пока не удалось обнаружить никаких зацепок. В настоящее время Ян Григорьевич возглавляет предвыборный штаб самовыдвиженца, кандидата в президенты Иванова Владимира Владимировича, и фактически, является его правой рукой. Возможно, неспроста: они знакомы больше двадцати лет. Также возглавляет общественную организацию...

Колганов, поняв, что более интересного не услышит и из-

новая от головной боли, поднял вверх руки. Строчившая секретарь мгновенно всё поняла и умолкла.

– Я в кабинет. – Он икнул. – Подержу на локтях стол.

– Егор Анатольевич, сегодня редколлегия. – Валентина Кузьминична сдвинула густые брови. Ежедневник лежит перед ней закрытым, однако она обладает прекрасной памятью.

– Ах, да. Совсем забыл. – Настроение упало ещё больше. На редколлегии обсуждается план номера и закрепляются направления за творческими отделами. Но половина руководителей отделов благополучно уволились; оставшаяся наполовину состоит из новых сотрудников, с которыми ещё предстоит найти общий язык, и оставшейся части, половину которой составляют журналисты, позитивно воспринявшие изменения, и, наконец, оставшиеся, пока работающие, но лишь для галочки, через «не хочу». Это самая проблемная часть, фактически саботажники. Именно они съедают большую часть энергии нового главреда. Радует лишь то, что рано или поздно латентные оппозиционеры покинут стены редакции. Сами или с помощью волшебного пинка Колганова.

Понятное дело, подержать на локтях стол не пришлось. Почта разрывается от сотен непрочитанный писем: откликов читателей, сообщений от рекламодателей и макетов статей корреспондентов. Да и план номера существует лишь виртуально, в голове. Надобно его материализовать в цифровой форме. Выделить главные темы и назначить исполнителей,

распределить материалы по полосам.

При Бергере формирование тематических планов являлось исключительно его прерогативой. К чужому мнению тот никогда не прислушивался. Впрочем, изредка интересовался у Колганова, но всегда делал по-своему. После смерти шефа Колганов стал руководствоваться иными принципами: творческое планирование начало осуществляться при участии всех пишущих сотрудников редакции, корреспондентов и обозревателей. По итогам заседаний редколлегии, а при необходимости и чаще, на летучках и планёрках, все предложения сводились в общередакционные планы, корректируемые и утверждаемые Колгановым.

Претерпел изменения и процесс прохождения материала. Если раньше статья на редактирование передавался автором руководителю отдела, и далее – выпускающему редактору (Бергер крайне не любил лично ковыряться в текстах, да и негоже заниматься этим главреду), то сейчас зачастую редактирование с литературной точки зрения, исправление смысловых ошибок и анализ соответствия содержания текста принятой концепции издания приходится делать самому Колганову. И, несмотря на то, что он не заменял собой отдел вёрстки, бесконечно радовался тому, что давно научился работать с настольными издательскими системами.

Молодой человек несколько минут смотрел на экран невидящим взглядом. Надо работать, он это прекрасно понимает. Ведь время неумолимо уходит. Но настроение уже

ни к чёрту. *Интересно, если я вдруг, как по мановению волшебной палочки, исчезну, как долго будет функционировать редакция? Или, что точнее, как недолго...* Он обхватил голову руками и застонал.

Решение пришло быстро. Кардинальное. Вместе с тем простое и эффективное.

Увидев вышедшего из кабинета шефа с необычайно просветлевшим лицом, Валентина Кузьминична удивлённо вскинула брови.

– Чуток проветрюсь и вернусь. – Бросил Колганов на ходу, затем замедлился. – Короче, я бухать.

И, чувствуя спиной буравящий недоумённый взгляд, поспешил скрыться. Решив не дожидаться лифта, спустился по лестнице и вышел на улицу. Возникло и не покидало странное, непонятное ощущение. Вроде ничего необычного, банальная картина... По пути встретился человек, и они обменялись взглядами. Среднестатистический разносчик воды, крепкий загорелый мужчина лет пятидесяти. Белая кепка, жёлтая футболка и красные шорты. На плече стандартная 19-литровая бутылка для кулера. Что странного-то? Разве что мужчина не захотел подниматься на лифте, а выбрал, не взирая на ношу, лестницу. Хм...

Глава 9

Колганов сел в машину и задумался. Если ехать пить, то на обратной дороге машину придётся бросить. Или заказать в такси сервис «трезвый водитель». Если останутся деньги. Пить или не пить... Ну, и в такое время бары не работают. Только кафе... *Ну и ладно.*

Он поднял глаза на окна редакции и разглядел смутный женский силуэт. *Подглядываешь, старая перечница!* С трудом поборол желание показать средний палец и завёл двигатель. В пяти минутах езды от редакции кафе «Белый крем». Колганов частенько игнорил аналогичное заведение в «Золотом тельце», предпочитая ему «Белый крем». Не из-за приятного названия, а из-за возможности обеденное время провести вне «рабочей обстановки». В том числе и потому, что, где бы он не находился внутри офисного центра, не говоря уже про свой кабинет, его неотрывно преследовало ощущение, что за ним подглядывает Валентина Кузьминична. Разумеется, если рассуждать здравым умом, сие бред. Но, тем не менее...

Припарковав машину, журналист толкнул дверь в кафе и шагнул в знакомую обстановку. Люда в кафе, как они и предполагал, немного. Любимый столик в дальнем углу, с которого прекрасно наблюдается за обстановкой, оказался занят. Мысленно выругался и плюхнулся за ближайший

свободный. Заказал виски со льдом и говяжий стейк и, пока закуска жарилась, принялся неторопливо потягивать напиток и разглядывать посетителей. Как ни странно, хватает знакомых по «Золотому тельцу» лиц. Колганов сделал небольшой глоток и остановил взгляд на высокой рыжеволосой девице в синем брючном костюме. Та из агентства недвижимости и периодически цепляет бейдж. *Как там тебя... Ксюша... Ксения... или Оксана... или... а, чёрт, какая разница.* Девица ковыряется в телефоне и, вторично, поглощает салат. Помимо тарелки того, на столе стакан апельсинового сока. Девушка, не отрывая взгляда от экрана, протягивает руку за напитком и, промахнувшись, едва его не разливает. Вилка с кусочками овощей грохается на столешницу. Девица испуганно хлопает ресницами и судорожно сжимает стакан. Нашлось хоть что-то, заставившее её перестать чатиться. *Если реальная жизнь мешает виртуальной, ну её нафиг, эту реальную.* Молодой человек сделал ещё глоток, побольше, и перевёл взгляд на маленький фонтан в центре зала. Амбиентная подсветка создаёт иллюзию, что вместо воды плещется молоко. *Или белый крем.*

Немного поодаль расположились ещё два «представителя» «Золотого тельца» – руководители IT-компании «Адали-системс» Андрей и Данила. Перед ними – неизменный кофе, тосты и мармелад.

К тому времени, когда принесли стейк, Колганов осушил два виски и заказал третий. Аппетит, как и опьянение, от-

сутствовал, и новоиспечённый главред лишь вяло ковырялся столовыми приборами в мясе.

И ловил себя на том, что не хочет покидать это уютное заведение. Не хочет выходить на улицу, ехать в редакцию, в миллионный раз смотреть на бесстрастное каменное лицо Валентины Кузьминичны и отвечать на телефонные звонки с одинаковыми вопросами. *Может, вообще остаться и здесь спокойно встретить старость?* В этом тяжело признаться даже самому себе, но Колганов не верит в будущее бумажных СМИ. Разумеется, не сегодня-завтра, но в обозримом будущем они уйдут с рынка, как ушли в небытие динозавры. Останутся специализированные научные издания, периодика университетов да кроссворды-сканворды, требующие бумажного носителя. А *«Девятый день недели»... есть ли будущее у него?* Горько ухмыльнувшись, сделал большой глоток. Прежде чем проглотить обжигающую жидкость, закрыл глаза и немного помедлил. Никто об этом не знает, но за последние полгода Колганов уже дважды порывался всё бросить и сменить профессию. Или издание. И каждый раз незримая сила мешала довершить начатое. Словно упирался в стену и не мог её ни сломать, ни сдвинуть. А потом утешал себя тем, что, мол, «я свободный художник и в любой момент могу соскочить». В который раз.

А если, уже не может? А если, уже поздно? Как наркозависимый, попал в цепкие объятия Михал Борисыча и его «Восьмого дня». И теперь, после смерти шефа, уже «Девя-

тый день», детище самого Колганова, держит его самого. Да так крепко, что не вырвешься. И вот пошли странные сны, более напоминающие галлюцинации: стоящая прямо посередине огромного костра прекрасная девушка с огромной чёрной змеёй в руках. Колганов печально опустил взгляд и почувствовал, что пьянеет. Осознание этого, скорее, обрадовало. Ведь алкоголь как наркотик, призван снять болевой синдром реальности. Пусть временно, ведь победить её он не в силах. И вот мысли уже путаются в изрядно захмелевшем, не желающем напрягаться, сознании. Молодой человек подпёр голову рукой и закрыл глаза. *Да, пожалуй, я и встречу здесь старость. Решено. Ре-ше-но.*

Рыжеволосая девушка в синем брючном костюме осознала, что салат мешает общаться в сети и забила. На салат. Стремительно расплатилась пластиком и засемила к выходу. Не отрывая взгляда от смартфона.

Цвет виски вперемешку с кусочками льда неожиданно воскресил в памяти картину, виденную совсем недавно: доставщик воды, неторопливо поднимающийся по лестнице. Спокойный, скорее отрешённый взгляд. Колганова как током ударило. *Вот чёрт!* Он мгновенно сообразил, что именно показалось необычным: цвет воды в бутылки. Чуть желтоватый и не совсем прозрачный. *Что это может быть?* На самом деле, всё что угодно! Но пришедшая в голову догадка заставила мгновенно протрезветь.

Глава 10

На экране видео мониторинга поста дежурного охраны торгово-офисного центра «Золотой телец» появилась транслируемая внешней камерой картинка: неприметный серебристый «Солярис» паркуется перед главным входом. Из автомобиля неторопливо вылезает широкоплечий коренастый мужчина в жёлтой футболке и красных шортах. Поправив белую бейсболку, открывает багажник и извлекает стандартную 19-литровую бутылку с водой. *Развозчик воды.* Охранник зевнул и продолжил читать «9-й день недели».

Меж тем, внутренняя камера зафиксировала, как мужчина с бутылкой на плече прошёл через автоматические двери и замер перед информационным стендом. Найдя нужный кабинет, человек аккуратно вытащил лист бумаги из кармана стенда. Бросил мимолётный взгляд на лифт и решительно направился к ведущей наверх лестнице. Не обращая ни на кого внимания, доставщик воды спокойно мерил ступени. Ровным размеренным шагом с одним темпом. На требуемом этаже зашагал по длинному коридору, изредка поглядывая на номера офисов и названия организаций.

Перед дверью с табличкой «Редакция журнала 9-й день недели» мужчина замер. Затем вежливо постучал и распахнул.

Глава 11

Колганов пытался выбросить в урну памяти виденного водоноса со странной ношей. Однако волшебную кнопку «Delete» заело, картинка всплывала снова и снова. Строго говоря, как автовладельцу, регулярно заправляющему высокооктановым горючим железного коня, Колганову и не могло прийти в голову иное. *Бензин. Но зачем мужчине... зачем ему... если только...*

Журналист не отдавал себе отчёта в том, сколько времени прошло, пока не почувствовал, что звонит телефон. Именно так: не услышал, а почувствовал. На другом конце провода дрогнувший голос Валентины Кузьминичны сообщил о том, что неизвестный поджёг редакцию. Колганов прервал разговор и отключил айф. Услышанное легло ровным слоем на проясняющееся сознание. Первый инстинктивный порыв – бежать в редакцию. Но Колганов пересилил себя и ощутил доселе неизвестное ощущение удовольствия. Сродни мазохизму. *Ну и чёрт с тобой, «9-й день». Туда тебе и дорога. Гори синим пламенем. Дружище, ты же хотел начать всё с нуля? Вуаля, твоё желание исполнено! Дождись, когда всё сгорит к ебням и начинай.* Воодушевлённый, заказал ещё виски и с аппетитом принялся поглощать остывшее мясо.

Когда Колганов вышел из кафе, то находился в изрядном

подпитии и едва держался прямо. И, успешно дойдя до машины, не удержался и свалился, попутно разбив лицо о зеркало заднего вида.

– Молодой человек, вам требуется помощь!

И это был не вопрос, как обычно в подобных ситуациях, а утверждение. Безапелляционная констатация факта.

Главред сплюнул солоноватую кровь из разбитой губы и повернул голову на источник участливого женского голоса. Им оказалась приветливая миловидная девушка с густыми каштановыми локонами.

– Мне? Да... наверное... впрочем, я сам. – Он попытался подняться. Но голова сильно кружилась, поэтому получилось лишь приподняться. – Эх, блин, кажется, сейчас я не в форме.

– Я вам помогу. Держитесь крепко за меня.

То ли незнакомка оказалась неожиданно сильной, или у него включились ноги, но Колганов увидел, как его родной форд удаляется.

– Вы куда меня тащите? – Жалобно промямлил он. – Девушка, моя машина...

– Вы хотите сесть за руль? – Незнакомка остановилась и перевела дыхание. Только сейчас стало ясно, что ей приходится несладко.

– Не знаю. – Колганов оказался озадачен. – Если получится.

– Вы же на ногах стоять не можете! – Укоризненно бро-

сила она.

– Это потому, что вы держите меня немного криво, – нашёлся он.

Девушка, кряхтя, поставила его вертикально и отпустила. Молодой человек рухнул как подкошенный и застонал: асфальт оказался неожиданно жёстким.

– Верните меня, пожалуйста, в исходное положение. – Взмолился он. – Я больше так не буду.

Она покачала головой.

– Обещаете вести себя хорошо? – И вновь собрала все силы, чтобы поставить его на ноги.

– Мне бы редакцию, мэм. – Колганов почувствовал, что проваливается в забытье. – Знаете, где это?

Глава 12

Валентина Кузьминична подняла глаза на визитёра.

– Мужчина, мы не заказывали воду.

– Я знаю. – Незнакомец огляделся и направился напрямиком в кабинет главреда. – Сейчас я сожгу редакцию. Я должен это сделать.

Невозмутимый тон развозчика воды, размеренная походка и отсутствие хотя бы намёка на суетливость или страх заставили сотрудников редакции, в том числе Валентину Кузьминичну, потерять дар речи и оцепенеть. Словно сквозь завесу пелены она увидела, как один из сотрудников бросился на вошедшего, однако оказался сбит с ног мощнейшим ударом в челюсть.

– Не советую мне мешать. – Не меняя тона, предупредил мужчина присутствующих. – Лучше эвакуируйте персонал или сгорите. – Последняя фраза адресовалась персонально Валентине Кузьминичне.

Незванный гость содрал пробку и начал методично выливать бензин. Сначала на стол Колганова, затем на аппаратуру и сейф. И, попутно разливая горючее на пол, методично захаживал в каждое помещение. К тому моменту, когда бутылка опустела, опустела и редакция. Из коридора доносился мощный людской гул. Кто-то быстро заглянул и сразу же отскочил. Мужчина захлопнул входные двери и подпёр спинкой

стула ручку так, что их стало невозможно открыть снаружи. Извлёк из пакета небольшую коробку из материала с низкой теплопроводностью и с помощью заранее наклеенного двустороннего скотча закрыл ею пожарный извещатель.

В двери яростно застучали.

– Немедленно откройте! Слышите! Откройте немедленно, или мы выломаем двери.

Мужчина улыбнулся. Он прекрасно знал, что у охраны нет огнестрельного оружия. Да и на то, чтобы выломать довольно крепкие двери, потребуется время. Достаточно, чтобы он выполнил свою работу. Свою миссию. *Рассадник зла должен быть сожжён. Именно так. Только огонь несёт силу очищения.*

Он опустился в кресло главреда, вытащил из кармана шорт кусок бумаги с названием редакции и номером офиса. Окинул удовлетворённым взглядом дело рук своих, достал зажигалку и поджёг указатель. Меж тем, двери принялись выламывать. Мужчина смотрел на пылающий указатель-запал и улыбался. Подождав, пока пламя начнёт обжигать кожу, блаженно закрыл глаза и раскрыл ладонь.

Глава 13

Следователь, капитан полиции Марченко, окинул взором представшую картину. В ноздри ударил едкий запах оплавленного пластика. Обгоревшее тело, или то, что от него осталось, копоть и потемневшие ошмётки обстановки. Попытка открыть чудом уцелевшее окно успехом не увенчалась: от высокой температуры конструкцию повело и механизм перестал работать. *Если я попал сюда снова, значит дело дрянь.*

– Что, товарищ капитан? – Опер Гена смотрел на руководителя глазами преданной собаки.

– Так, ничего. Мысли вслух. *Блин, я уже заговариваюсь. И это только начало.* – Марченко поймал себя на том, что ищет глазами нечто совершенно определённое. – Скажите, а где главный?

Пред ним предстала высокая крупная женщина лет сорока. Полицейский хорошо её помнит. Это секретарь бывшего главреда Бергера, ныне покойного. А сейчас главред другой, гораздо моложе. Хотя и при бессменном секретаре. Обычно спокойная и бесстрастная, сейчас Валентина Кузьминична дрожала и заикалась. Бледная как мел, женщина куталась в наброшенный на плечи платок и пыталась взять себя в руки. Марченко приблизился и представился.

– Да... здравствуйте... я вас помню... – Она явно испы-

тала чувство облегчения, увидев следователя. Тем не менее, заикаться не перестала. – Он... он... Егор Анатольевич незадолго до... этого... вышел. А потом...

– Самое страшное позади, – Марченко посмотрел на её бейдж, – Валентина Кузьминична, слава Богу, никто не пострадал. Преступника в расчёт не берём. Поэтому постарайтесь успокоиться.

Женщина прокашлялась. Было видно, что она постепенно приходит в себя.

– Расскажите, пожалуйста, что произошло, – Марченко постарался придать голосу максимально мягкие ноты.

– Постучали в дверь... сначала постучали в дверь... вежливо. Я бы сказала, учтиво.

Секретарь задумалась, но со стороны это выглядело словно она впала в ступор.

– Хорошо. – Марченко напомнил о своём присутствии. – Продолжайте, Валентина Кузьминична.

– Это был невысокий мужчина лет пятидесяти. Одет... одет в жёлтую футболку и красные шорты. На плече бутылка для воды.

– Может, успокоительное? – Хотел было предложить следователь. – У нашего врача...

Но женщина отрицательно покачала головой.

– Нет, благодарю.

– Что мужчина сделал дальше? – Не теряя времени, продолжил Марченко. Он прекрасно знал, что самые ценные по-

казания – данные, что называется, по горячим следам. – Или что он сказал?

– Он... он сказал, что сейчас подожжёт редакцию и сказал, чтобы я вывела людей.

– И он беспрепятственно позволил всем сотрудникам покинуть редакцию?

– Именно так, – не раздумывая, ответила она.

– Значит, его целью была исключительно редакция... – Марченко начал было размышлять вслух, затем вспомнил. – А что произошло с мужчиной, которому нападавший сломал челюсть? При каких обстоятельствах это произошло?

– Вадим... наш спецкор... он попытался отобрать...

– Можете не продолжать, я всё понял. – Следователь чувствовал, что женщина долго не выдержит, поэтому торопился. – А где главред? Вы сказали, он куда-то вышел?

– Да. Сказал, что хочет...

– Что сказал? – Марченко внимательно посмотрел на её шею, но из-за платка ничего не было видно. А просто попросить показать, видя её состояние, не решился.

– Сказал, что хочет выпить, – наконец, договорила она.

– Вот как. – Полицейский потёр кулаком трёхдневную щетину. – Не рановато для этого? В смысле, он делал так раньше?

Секретарь отрицательно покачала головой.

– То есть вам показалось несколько странным, что ваш непосредственный руководитель среди бела дня уходит

пить?

Валентина Кузьминична затравленно озиралась и втягивала голову в плечи.

– В последнее время... в последнее время у Егора Анатолевича... у всех нас... дела идут очень напряжённо.

– Ах, да. Понимаю. – Посочувствовал следователь. – Все только и пишут о ваших проблемах из-за переименования журнала. – Марченко задумался на секунду, и решил задать очевидный, в общем-то, вопрос. – А вы не считаете случившееся...

– Вы меня извините. – Валентина Кузьминична перебила его и покачнулась. Однако устояла. – Но я больше не могу здесь находиться. Я должна выйти.

– Да, конечно. – Поспешил согласиться Марченко. – Вас проводить?

– Нет, спасибо.

Следователь проводил её взглядом и ещё раз вздохнул об упущенной возможности посмотреть на шею. *Ладно, мэм. В другой раз.*

Редакция основательно выгорела, так как автоматическая система пожаротушения сработала поздно. Ответ на вопрос «почему» лежит на поверхности: прямо под так называемым пожарным извещателем валяется полусгоревшая коробка.

– Ген, в вещдоки её.

Марченко подошёл к сидящему в кресле главреда труп. Как ни странно, сие выглядит не только зловеще, но и за-

вораживающе: кресло не развалилось, а труп, в свою очередь, остаётся в сидячем положении. Да и стол, хоть изрядно подгорел, сохранил очертания. На шее что-то висит. Почерневшее от пожара и полускрытое ошмётками плоти. Полицейский сразу понял, *что именно он увидит*. Наклонившись и задержав дыхание, внимательно рассмотрел до боли, до дрожи в коленях, знакомый предмет. *Так и есть. Это ты. Мы снова встретились*. Пользуясь моментом, когда судмедэксперт уделял внимание спецкору, Марченко вытащил из его сумки медицинские перчатки и аккуратно снял вещдок. Улучив момент, когда за ним никто не наблюдал, быстро спрятал пакетик в карман и с невозмутимым видом подошёл к оперуполномоченному Гене Труману:

– Ген, собери данные с камер.

Уже сделав несколько шагов на выход, тот остановился:

– Товарищ капитан, она что-то бурчала себе под нос. Что-то вроде «это кара, кара; небесная кара; огонь всегда стирает след Холодных».

– Кто бурчал? – Марченко напрягся.

– Та женщина, которую вы допрашивали. – Гена указал на проём с обломками двери, в который несколько минут назад вышла Валентина Кузьминична. – Она говорила едва слышно, но у меня хороший слух.

Опер отправился исполнять распоряжение, а Марченко наблюдал за работой судмедэксперта и размышлял. *Несмотря на шоковое состояние, секретарь вряд ли изольтётся прав-*

дой на предложение рассказать о подноготной истории журнала. А ведь судя по её статусу – она смотрящая по изданию и главредам: прошлому, нынешнему и всем будущим. Не Бергер был правой рукой Лазаревского, а вроде неприметная Валентина Кузьминична!

Тем временем медик закончил осмотр пострадавшего от рук поджигателя и диагностировал перелом нижней челюсти. Оказал первую медицинскую помощь и переключился на обгоревший труп неизвестного. Причём принялся непрерывно бухтеть под нос и чертыхаться, чем вывел Марченко из состояния задумчивости.

– Сань, ни хрена не понимаю. Мы хоть и на пепелище, но я затынусь. – Медик оторвался от «клиента» и закурил. – Бля буду, вижу такое впервые. Прямо «ожившие мертвецы». Если минуту назад Марченко, хоть и будучи уверенным, лишь предполагал, то сейчас...

История продолжается...

– Что? – Судмедэксперт сделал глубокую затяжку и отёр со лба крупные капли пота. – Сань, о чём ты? – Он приблизился к следователю. – Какая история?

– Серёга, выкинь из головы. – Отмахнулся Марченко и спрятал предательски дрожащие руки в карманы. – Скажи лучше, что у тебя? *Впрочем, ответ я и так знаю.*

– У меня непонятки, Сань. – Медик затушил сигарету и ещё раз внимательно осмотрел труп. – Ну не может этот пациент быть поджигателем. Какие-нибудь сатанисты приво-

локли его сюда... или сами черти... не знаю. – Следователя передёрнуло от пристального странного взгляда. – Понимаю, ещё будет вскрытие и всё такое. Но даже внешне, по тканям... этот бедолага, прежде чем сгореть, помер месяца два или три назад.

Глава 14

Пахнуло свежестью и неведомым запахом. Он открыл глаза и увидел ночное небо, дополненное месяцем и украшенное звёздами-стразами. Переполненная росой трава упруго сминается и оставляет влажный след на руках. Человек немного приподнялся и осмотрелся, затем, кряхтя и стоная, встал. Вокруг лишь ветер, трава, темнота да одеяло небосвода. Руки дрожат, а ноги едва справляются с весом тела. Первый неуверенный шаг, затем второй... третий. *Кто я и что здесь делаю?* Ветер треплет волосы на голове и заставляет ёжиться от ночной прохлады. Чтобы согреться и разогнать по организму кровь, человек принялся растирать себя руками. Стало теплее и появились силы. Некоторое время он бесцельно шел вперёд, затем остановился. *Куда идти?* Внезапная растерянность противно запахла страхом. Страхом того, что эта ночь останется вечной. А он обречён бродить кругами под сенью холодного, равнодушного неба.

Человек остановился, воздел руки и закричал. Но вместо истошного вопля из горла вышло лишь нечленораздельное бульканье. *Даже закричать не могу.* Он прокашлялся, но желание голосить пропало. *А, чёрт со мной. Если суждено сдохнуть, сделаю это в тишине. Под красивым звёздным небом.*

Боковое зрение уловило в темноте смутное очертание.

Чтобы лучше разглядеть, он напряг зрение. Однако это помогло слабо. Человек замахал руками.

– Эй, кто там? Я здесь! Слышите меня?

Но неясная фигура не шевелилась, и тогда человек зашагал к ней сам. Высокая трава жжёт щиколотки и затрудняет движение. Но он не обращает на это внимание. Перед глазами стоит лишь неведомый образ, манящий в холодном пустом мире. Несколько раз человек спотыкался и падал. Пал и вновь подымался. Упрямо и угрюмо стремясь к цели. Не ведая, что произойдёт дальше. Иногда, когда ему казалось, что фигура впереди начинает отдаляться, пугался и переходил на бег. И снова падал. Вставал, на ходу приводил в порядок дыхание и ускорялся вновь.

– Эй, ну куда же ты? погоди! Не оставляй меня здесь одного!

Но фигура безмолвствует. Небо тоже не роняет ни слова. Как и ветер.

– Мать твою!

Из последних сил человек сделал несколько шагов, упал на колени и зарыдал. Так же тихо и безмолвно. Горячие слёзы обжигают небритые щёки. Он плачет не от усталости, не от промокшей насквозь от росы одежды и холода. От обиды. За себя, на себя. За то, что остался один, никчёмный и никому не нужный.

Время остановилось. Постепенно слёзы иссякли и лицо превратилось в грязную маску. Человек успокоился и изо

всех сил стиснул зубы. Сжал податливую землю в кулаках. *Хрен вам! Я не сдамся! Не дожждётесь!* Разжал кисти и медленно поднялся. Ничего не поменялось: небо над головой, ночь, ветер и... стоящая прямо перед ним фигура в белом плаще с капюшоном. От неожиданности человек потерял дар речи и застыл, словно статуя. Фигура оказалась невысокого роста, и человек скорее интуитивно почувствовал, что перед ним женщина. Она скинула капюшон и предстала девушкой с длинными светлыми волосами. Несмотря на то, что она смотрит на него снизу вверх, он чувствовал, что тонет в её бездонных зелёных глазах. Нега, умиротворение заполнило пространство и с каждым вдохом, глубже и глубже, проникает в организм. Человек задержал дыхание, но не почувствовал удушья. Наоборот, наслаждался лёгкостью и ощущением обрётённых крыльев.

Идиллию нарушил непонятный звук, донёсшийся из-под земли. Через мгновение он прекратился, чтобы раздастся снова. И так, через равные промежутки времени, то угасал, то возобновлялся. Девушка окинула человека хмурым взглядом и резко отвернулась. Он силился крикнуть, чтобы остановить тающую в ночи фигуру. Но тщетно. Из горла льётся тишина, словно они парят в открытом космосе. Внезапная тяжесть заставила опустить голову, а руки и ноги сковала кандалами. Оставалось лишь беспомощно и обречённо взирать туда, где скрылась из глаз прекрасная незнакомка.

Звук меж тем не утихает. И есть в нём что-то смутно

знакомое, где-то ранее слышанное. Чтобы отвлечься от ставившегося назойливым звучания, человек попытался расслабиться и переключить мысли, но вместо этого ощутил нечто новое – дрожание земли. *Что это?* Однако страх, ощущение надвигающейся опасности, отсутствуют.

Чередующийся с тишиной звук, дрожание... Что могло рассердить прекрасную незнакомку и заставить её спешно уйти? Или... или... или она даже испугалась? Кто знает? В голову ничего не приходит и человек просто смотрит на небо. А небо смотрит на него. *Телефон.*

Телефон! Это же чёртов телефон! Как же раньше не догадался? И мелодия... даже знаю, как она называется... сейчас вспомню... да! Old phone. Прямо как у меня. Прямо как...

Колганов проснулся и резко подскочил в кровати. Виденное во сне кажется явью, произошедшим только что, несколько мгновений назад. А аромат незнакомки до сих пор щекочет ноздри. Молодой человек сглотнул и хотел было отереть пот со лба, однако, увидев ладони, в ужасе замер. Они оказались в свежей, ещё не успевшей высохнуть, земле.

Глава 15

– Василий Семёнович? – Марченко перевёл взгляд с телефона на монитор компьютера, на котором отображается информация базы данных ГИБДД. Минуту назад перед ним появилась информация о персональных данных владельца серебристого «Соляриса», использованного поджигателем для передвижения. Автовладельцем значится Рожков Василий Семёнович, 20 лет. На звонок ответили после девятого гудка.

– Да. А кто это? – Находящийся на другом конце связи повысил голос, стараясь перекричать громкую музыку.

– Капитан полиции Марченко. – Спокойно произнёс полицейский.

Зачастую после этого представления он почти физически ощущал напряжение собеседника. Но не сейчас.

– Кто-кто? Говорите громче, здесь плохо слышно!

Под раскаты далёкой танцевальной музыки следователь обвёл взглядом строгую обстановку кабинета. Однако даже лист с карикатурой котёнка с выпученными глазами и надписью: «Нахрена такие бодряки. Не буду больше пить кофе!» оказался не в силах сгладить возникшего контраста.

– Я говорю, вам звонят из полиции. – Следователь повысил голос. – Капитан Марченко.

– Из полиции? – Переспросил Василий Семёнович. Но Марченко показалось, что тот прекрасно всё расслышал.

– Василий Семёнович, вашу машину угнали и использовали для совершения преступления. Вы не могли бы...

– Что? – Неподдельно изумился голос. – Что вы сказали? Мою машину?

– Вы не могли бы сегодня в течение дня... – вновь начал Марченко, но, расслышав на другом конце провода невнятное совещание, осёкся.

– Чувак, а как называется моя машина? – В голосе молодого автовладельца явственно звучат наглые нотки. – И какого она цвета?

Марченко едва не поперхнулся от начинавшегося театра абсурда.

– Светло-серебристый «Солярис», 788. – Полицейский намеренно перешёл на спокойный тон. – Василий Семёнович, мне не составит труда вызвать вас к себе и повесткой.

Паренёк снова начал совещание с друзьями. Музыка стихла.

– Это правда? – Наглость и вызов в голосе уступили место досаде с нотками паники. – Мою машину угнали?

– Успокойтесь. Её уже обнаружили и сейчас она на ведомственной стоянке.

Марченко подошёл к окну и посмотрел на сиротливо жмушщийся к высокому забору четырёхколёсный «вещдок».

– Я сейчас в отпуске, должен вернуться только через две недели. – Паренёк судорожно пытался соображать. – Вот чёрт! Приеду раньше... постараюсь приехать раньше. Надо

ещё взять билеты. Я... вот блин...

Полицейский остановил начавшего терять самообладание молодого человека.

– Василий Семёнович, когда вы вернётесь, в почтовом ящике вас будет дожидаться повестка. Я веду это дело и попрошу вас в качестве потерпевшего. Строго говоря, для вас явка обязательна только в случае вручения повестки участковым или оперативным работником, но в ваших интересах не затягивать со сборами.

– Да... конечно... я, как только прилечу, сразу к вам... скажите, с ней всё в порядке?

– Да, она в полном здравии. – Заверил Марченко. – Только скучает. По фарам вижу.

Следователь не знал, что, перед тем, как патрульный автомобиль остановился возле серебристого «Соляриса», чьи-то крепкие руки в перчатках аккуратно извлекли из его багажника снайперскую винтовку ВСК – 94 в чехле и боекомплект к ней, а затем захлопнули крышку. Сей момент камерами наружного наблюдения запечатлён не был, поскольку иномарку от них загородил потрёпанный микроавтобус тёмно-синего цвета.

Глава 16

Телефон не умолкает. Колганов запустил руку под подушку и выудил аппарат. На экране высвечивается «Оксана Окси». *Кто это?*

– Привет, Егор!

Звонкий девичий голос кажется смутно знакомым, но не более того.

– Привет. – Его собственный голос прозвучал сипло и искажённо. Пришлось прокашляться. Резкой болью напомнила о себе распухшая губа.

– Как ты?

Молодой человек ещё раз недоверчиво посмотрел на незнакомое имя. *Оксана Окси. Кто она? У меня нет таких знакомых.*

– Я... в общем, хреново. – Он собрался с силами и выпалил. – Простите, девушка, никак не могу вспомнить, при каких обстоятельствах мы познакомились. Вы не могли бы помочь в этом? Ещё раз жутко извиняюсь.

Ему и впрямь реально неловко. Такое случилось впервые. А ведь даже забил её номер! *Пора завязывать со спиртным.*

– Всё нормально, Егор. – Девушку, казалось, его амнезия нисколько не смутила. – Ты вчера изрядно перебрал, поэтому ничего удивительного. Мы познакомились в кафе «Белый крем». Я Оксана, но весь вечер ты почему-то называл меня

Окси. Наверное, потому что тебе так больше нравится. Ты рассказал о своей работе, о том, что у тебя своё издание... только забыла название. – Девушка смущённо осеклась.

– Девятый день недели. – Напомнил Колганов.

– Да, вспомнила! – Радостно воскликнула Оксана. – Мы сидели, болтали ни о чём. Потом ты попросил подвезти тебя до дома, потому что уже не мог сесть за руль.

– Получается, что я пил один? – Он нахмурился.

– Ну, типа того. – Она беззаботно рассмеялась. – Я тоже пила. Апельсиновый фреш.

Он силился вспомнить, но память предательски захлопнула двери. Фрагментарные воспоминания, как части мозаики, беспомощно кружат в пространстве. А головная боль и боль от разбитой губы, крепко обнявшись, исполняют вальс. Однако есть ещё момент, требующий уточнения.

– Оксана... Окси, а кто мне разбил губу?

– Ты и правда ничего не помнишь, Егор? – Удивление в голосе девушки казалось неподдельным.

– Неа. – Признался он. – Как отшибло.

– Ты сам себе разбил лицо, когда ударился о свою машину. Ты пытался сесть за руль, но, слава богу, у тебя ничего не вышло. А мог бы натворить таких...

– Моя машина? – Он поперхнулся. – Она где... там?

– Да, она на стоянке перед «Белым кремом». – Услышав тревогу в голосе собеседника, она поспешила его успокоить. – Я предупредила администратора и охрану, что ты за-

берёшь машину позже, когда протрезвеешь.

Как мило с твоей стороны.

– Как предупредительно с твоей стороны, Оксана. – Он успокоился. – Спасибо за заботу.

– Вот только...

– Что?

– Вот только, когда я тебя подвозила, ты обронил свой бумажник.

Да неужели.

– О как! – Невольно вырвалось у него.

– Заберёшь?

– Я подумаю. – Он выждал небольшую паузу. – Шутка.

– Смотри, – Оксана поддержала юмор, – а то прикарманю его и стану тобой. Буду Егором Колгановым, главным редактором «Девятого дня недели».

– Честно говоря, в силу некоторых обстоятельств, не уверен, что буду об этом сожалеть, – признался он.

– И что это за обстоятельства? – Полюбопытствовала новая знакомая. – Если не секрет.

– Да долго объяснять, – он помрачнел.

– Ну хорошо. – Согласилась она. – Где и когда мы встретимся?

– Хм... Может... – Егор задумался. – Логика и здравый смысл подсказывают, что место встречи должно находиться в непосредственной близости от машины.

– Согласна! Я освобожусь через два часа.

– Тогда через два часа в «Белом креме».

– Договорились!

– Эмм... Окси... а как я тебя узнаю?

– Это не проблема. – Ответила она беззаботно. – Согласись, было бы хуже, если бы не помнили друг друга оба.

– Согласен.

– Тогда до встречи!

Шатаюсь и держась за стены, доковылял до кухни и запил водой сразу две таблетки. Застонал и опустился на табурет. Как ни странно, но некоторые события минувшего дня прекрасно отложились в памяти. Например, как вышел из редакции и поехал в кафе. Как позвонила секретарь и срывающимся голосом сообщила, что редакцию... да, редакцию подожгли. И как забил на звонок, тоже хорошо помнил. *А что, собственно, дёргаться? Ну, подожгли и ладно. С кем не бывает...*

Раскаяние или сожаление по поводу случившегося отсутствуют. Он вообще ничего не чувствует. Как и радость. Просто уставился в одну точку и тупит. Моргает и тупит. *Надо ехать на работу. Посмотреть, что там произошло. А что, если...*

Он потянулся за пультом от телевизора и включил новостной канал. Ведущая, симпатичная брюнетка с аккуратной стрижкой, молвила: «Ещё раз о главных событиях. Вчера, около двух часов дня, в редакцию журнала „Девятый день

недели“ ворвался неизвестный и совершил самоподжог. Как сообщают очевидцы, мужчина, около пятидесяти лет, вошёл в редакцию с бутылкой для воды. Злоумышленник сообщил о своём намерении и попросил всех присутствующих удалиться. При этом один из сотрудников попытался отобрать бутылку, в которой, как стало очевидно, содержится горючая жидкость. Однако, ему это не удалось».

При этом транслируются записи камер наблюдения. Прекрасно видно, как мужчина в футболке и шортах выходит из машины и извлекает из багажника бутылку с горючим. Неторопливо направляется к дверям и уже внутри методично ищет указатель редакции. Вытаскивает его, складывает в карман и поднимается по лестнице. В самой редакции камер нет, поэтому запись обрывается на моменте, когда человек стучит в двери и осторожно заходит.

«Подождав, пока все выйдут, преступник заперся и разлил горючее. К тому моменту, когда охранникам удалось выломать двери, редакция вовсю была объята пламенем. После ликвидации огня тело преступника обнаружено в сидячем положении в кресле главного редактора. Никаких криков слышно не было. Следствие допускает, что преступник находился под действием наркотиков».

Услышав, что его рабочее место занимал труп, Колганов невольно вспомнил Бергера, и молодого человека стошнило. Поэтому он не слышал того, что ведущая сказала далее:

«Кстати, о главном редакторе, Егоре Колганове. Известно,

что незадолго до нападения он покинул редакцию и сейчас его местонахождение неизвестно. Его машина припаркована около кафе „Белый крем“. Сотрудники кафе утверждают, что вчерашний вечер молодой человек провел именно здесь. На звонки в квартиру и на телефон не отвечает. Следует отметить, что редакция „Девятого дня недели“ не в первый раз становится объектом угроз. Как правило, это фанаты прежнего формата и названия журнала – „Восьмой день недели“. Егор Колганов, лишь недавно назначенный главным редактором „Восьмого дня недели“, сразу же принялся реформировать журнал. И первое, что сделал, переименовал издание в „Девятый день недели“. Это начинание многим читателям пришлось не по душе. Нашлись и те, кто начал Колганову в открытую угрожать. Полиция проверяет и эту версию...»

Прохладный душ помог прийти в себя и восстановить некоторые части мозаики. И по мере продвижения через паутину воспоминаний, журналист всё сильнее хмурился и мрачнел. А когда стало совсем невмоготу, принял решение весь негатив выбросить напрочь из головы и сконцентрироваться только на хорошем. Которого, к сожалению, и так было мало.

Но червь сомнения подтачивает хрупкую конструкцию. И чем глубже прогрызается, тем сильнее Колганову хочется познакомиться с обладательницей приятного звонкого голоса.

Ведь картина памяти сообщила, что он не забивал в теле-

фон номер Оксаны. И что просил подвести не к себе домой,
а в редакцию.

Глава 17

Марченко потерял счёт времени, сколько сидит в кабине-те и пытается найти ниточку, за которую можно ухватиться, чтобы распутать весь этот клубок. Судебно-медицинская экспертиза ещё предоставит выводы об останках сгоревшего, но толку от неё будет немного. Нужны ещё зацепки. Перед машиной преступника, полностью перегородив её от камер, остановился тёмно-синий фургон «Фольксваген». При чем траектория его движения оказалась такой, что номера ни разу не попали в кадр. Разумеется, это не случайность. Вместе с тем никак следов взлома «солярика» или иного вмешательства обнаружено не было. От бесконечных просмотров записей уже кружится голова и мутнеет сознание.

Полицейский поднялся из-за стола и, потягиваясь на ходу, подошёл к окну. Созерцание скудной городской обстановки возымело некий терапевтический, успокаивающий эффект. Чтобы переключиться, принялся считать прохожих. Их количество, ограниченное обзорностью из окна, постоянно меняется за счёт появляющихся и исчезающих. Тем не менее, остаётся в одном, более-менее одинаковом, пределе. Плюс-минус. Мужчины, женщины, дети... дети с мужчинами, дети с женщинами. Мужчины в форме, пожилые люди. Затем, для усложнения задачи, начал делить строго по половому признаку: мужчины-женщины. Здесь цифры варьируются в бо-

лее широком диапазоне. Как правило, в количественном выражении преобладают представительницы прекрасной половины человечества, и сильная сторона смещает их с пьедестала лишь периодически. Отсюда вывод, что в рабочее время мужчины, как правило, заняты. А женщины, те же молодые мамы, в декрете и гуляют с детьми.

Возрастная составляющая: дети, подростки (*а ведь их можно делить на школьников и студентов*), молодые люди обоего пола... ну и далее по возрастающей. Или стареющей.

Далее по виду одежды... С мужчинами понятнее: либо business, либо casual. С вариациями. С женщинами, особенно молодыми, сложнее и интереснее: здесь юбки или брюки. Костюмы, шорты, платья, сарафаны... впрочем, чем платье отличается от сарафана, Марченко узнал совсем недавно. Случайно.

Ещё есть цвет одежды, полутона... И теперь чувствует, что сходит с ума уже от нового занятия. Бессмысленного и отупляющего. А в расследовании не продвинулся ни на йоту. И эта беспомощность бесит больше всего. *Профессиональная импотенция.*

Полицейский проморгался: внимание привлекла длинноволосая брюнетка в сверхкоротких белых шортах и красном топе. В руке неопределённо-тёмный клатч. Всё это естество опирается на немислимо длинные шпильки и движется величественно-неторопливо. Мужчины на девицу оглядываются или смотрят украдкой. Женщины тоже. И пока эта

особа шествовала в поле зрения следователя, тот невольно сбился со всех счетов и классификаций. Сочетание разнужданно-непотребного вида и неторопливой, наполненной собственного достоинства, походки завораживает. В другое время он бы подумал, что девушка хочет продать себя подороже. Но сейчас не время... да и место *не то*. *Походка... походка... стоп!*

Марченко вернулся к столу и сделал глоток давно остывшего чая. Походка. У поджигателя отмечена неестественно спокойная, даже размеренная, походка. Значит, этот малый либо сумасшедший, либо находился в изменённом сознании. Вариант наркотического вмешательства отпадает. В любом случае, у парня была холодная голова. Возможно, он был ярым фанатом прежнего «Восьмого дня недели». И поджог редакции – знак протеста. Когда вокруг все бегали и спотыкались от страха, мужчина просто выполнял задуманное. Без суеты и лишних движений. Даже когда первые языки пламени коснулись тела, мужчина не кричал и не размахивал руками. *Запрограммированный, словно робот*. Или... или... тут в памяти всплыл срывающийся голос судмедэксперта: «этот бедолага, прежде чем сгореть, помер месяца два или три назад». *Может, он не робот, а... живой мертвец? Потому и не чувствовал боль*.

Загвоздка в том, что в живых мертвецов Марченко не верил. Хоть тресни. Даже несмотря на заверения медика. Обгоревшие останки... куски плоти... лохмотья и ошмётки...

не в меру разыгравшаяся фантазия... да мало ли что. Эти эскулапы вообще странные люди. Марченко, например, тоже не в первый раз видит сторевших и этот ничем не отличается от остальных. Разве что... Странная деталь на видео привлекла внимание и сразу вспомнилось про предмет, похищенный с места преступления. Аккуратно извлёк вещь из пакета и покачал на ладони. Жёлтые грани тускло поблёскивают в дневном свете: змея держит в широко раскрытой пасти солнце. Платком тщательно отёр спёкшуюся кровь и остатки плоти. Попутно выяснилось, что кулон достаточно мягок и сгибается.

На обратной стороне обнаружилось то, что не было видно ранее: строфу из пяти строк. Буквы маленькие, пришлось прибегнуть к помощи увеличительного стекла. Однако после прочтения вопросов стало больше:

*Гора на горе
Разверзается вниз,
Тридцать пять этажей
И сумрачный лифт.
Там сердце моё.*

Что сие означает? Гора на горе... лифт... и почему гора разверзается? Ведь смысл вышеозначенного «широко раздвинуться, расступиться». А гора – это как бы вверх. Единственное, что более-менее понятно – этажность. Но на какой горе есть этажи, в частности, тридцать пять? Предваритель-

ная пробежка по инету результата не принесла.

Ещё есть клеймо с пробой. Проба, 96, соответствует золотниковой системе измерения, существовавшей в царской России и ныне не применяющейся. Золотниковая проба привязана к русскому фунту, соответствующему 96 золотникам. Тот, в свою очередь, равняется 4.266г. С подростковым интересом ещё немного помял украшение: ведь золото высшей пробы держит в руках впервые! Вместе с тем украшение раритетным не выглядит.

Полицейский оторвался от изучения кулона и допил чай. Вместе с навалившейся усталостью пришло и другое ощущение: профимпотенцию сменило вдохновение, перемешанное с надеждой. Помимо загадочного стихотворения, всплыла странная деталь, обнаруженная на видео и теперь не дающая покоя: ни на одном из кадров не видно, что на шее поджигателя висит кулон. *Как тогда он на нём оказался?* Раздался телефонный звонок.

Глава 18

Колганов выбрал столик в стороне от входа. Ни есть, ни пить не охота, поэтому заказал нейтральный кофе. Запил две таблетки цитрамона и стоически замер, силой мысли пытаюсь ускорить действие препарата.

– Медитируешь? – Раздалось совсем рядом, и журналист широко открыл глаза. *Кажется, я успел задремать.* Его собеседница, симпатичная девушка с длинными каштановыми волосами, приветливо улыбнулась и села напротив.

– Ночи не хватило. – Он улыбнулся в ответ. – Сейчас догоняюсь.

– Привет. – Она протянула маленькую ладошку. – Знакомимся снова? Оксана.

– Егор. – Рукопожатие с девушкой ничего, кроме улыбки через боль в губе, у него не вызывало. – Да я вспомнил тебя. Просто тогда перебрал.

– Ты тогда полез драться со своей машиной. – Она понизила тон и заговорщически подмигнула. – Неожиданно ударил выпяченной нижней губой её в самое уязвимое место – зеркало заднего вида.

– И, кажется, она не сумела парировать.

– Да, пребывала в состоянии шока. Не могла пошевелиться.

– Это был феерический нокаут!

Они улыбнулись глупому диалогу. Пока Колганов пытался остановить кровь из разошедшейся раны на губе, Оксана заказала шмель.

– Какой повод-то был? – Девушка протянула влажную салфетку. – Или ты сражаешься с машиной без причины?

Колганов прижал салфетку ко рту и замолчал. В принципе, ничего секретного в том, что он мог рассказать, нет.

– Ты следишь за новостями?

– Нет, – девушка покачала головой.

Ответ слегка удивил. Но не более.

– Какой-то идиот вчера спалил мою редакцию. – Глаза собеседницы расширились от удивления, и он продолжил. – Завалился с горючкой, залил всё и поджег. Ну и себя заодно, блин.

– Нет слов. – Выдохнула Оксана. – Подстава.

Колганов сделал глоток кофе. Горький вкус напитка вызвал ассоциацию с горечью ситуации.

– Так что сейчас я банкрот. – Уныло констатировал он. – Ещё немного подепрессирую и начну с начала.

– Есть план? – Поинтересовалась девушка.

Молодой человек задумался.

– Скажем так: есть несколько вариантов развития ситуации. – Он подождал, пока официантка поставит коктейль и удалится. – Первый: устраюсь в какое-нибудь издание. Я не гордый, и могу работать за небольшие деньги. Второй: заняться поиском инвесторов. Здесь сложнее. Особенно, ес-

ли учесть тот факт, что я оказался не командным игроком и форматнул издание.

– Что сделал? – Не поняла Оксана.

– Скажем, у тебя журнал. Его тематика – горнодобывающая промышленность и всё, что с ней связано. И вдруг ты решаешь, ни с того, ни с сего, печатать про фармацию. Или про разведение кроликов в квартирных условиях.

– Ты решил донести до широкого круга читателей информацию о разведении кроликов?

Колганов оценил юмор, но не улыбнулся.

– Типа того. Просто мне до чертиков надоел бред, источаемый нашими авторами. – Признался он. – И мной в том числе. Тема кроликов оказалась гораздо приятнее и полезнее.

– И всё? – Удивилась девушка.

– Если ты про причину, то да. Если про варианты, то есть ещё один. – Колганов задержался взглядом на платье собеседницы цвета кофе с молоком. Не ускользнуло от внимания и декольте, скрывающее небольшую высокую грудь. – Некий дяденька лет шестидесяти, не далее, как вчера, предложил за очень жирное «спасибо» напечатать ряд статей предвыборно-агитационного характера. Он представляет интересы одного кандидата в президенты. Вроде как руководит предвыборным штабом. Не помню точно.

– Судя по тону, ты так и не ответил согласиём? – Догадалась она.

– Угадала. Меня предложение и вчера не возбуждало. – Колганов сжал ладонь в кулак до хруста костяшек и медленно разжал. – А сейчас... что об этом... сейчас всё тлен и пепел.

– Ну а разве нельзя организовать... не знаю... мобильную, что ли, редакцию. Найти помещение. Персонал есть. Оборудование можно купить или взять в аренду. Потом всё равно пригодится. Тем более, случившееся – пусть чёрный, но суперпиар.

– Можно, конечно. Муторно, но можно. Или взять деньги, и свалить в неизвестном направлении. – Невесело пошутил он.

– Найдут, – безапелляционно заявила девушка.

– Зависит от связей и настойчивости. – Парировал Колганов. – Ведь поиск – дело тоже не бесплатное.

Они оба замолчали. Оксана заговорила первая.

– И к какому варианту ты склоняешься, Егор?

– А хрен его знает, Оксана.

– Работать на дядю, в смысле идти в другой коллектив, ты не хочешь. Можешь, но лишь в крайнем случае. Отсюда первый вариант, скажем так, вторичен. Вариант с инвесторами – прямой путь к потере контроля над изданием. Самый лёгкий, и самый однозначный. Отдавать кому-то свой журнал ты не горишь желанием. Третий путь представляется самым реальным. У него есть недостатки, но они у каждого выбора. Предвыборная кампания когда-нибудь закончится,

а деньги останутся. А ещё, чем чёрт не шутит, твой кандидат выиграет выборы. В таком случае ты вообще окажешься в шоколаде. Как, кстати, его зовут?

– Иванов Владимир Владимирович.

– Слышала мельком о таком.

– Вот выиграет, и будешь его слушать постоянно. И видеть тоже.

– Нда.

– В общем, я на перепутье, Окси, – признался Колганов.

– Есть только один способ узнать судьбу, Егор.

Он подался вперёд.

– Какой?

– Сделать шаг вперёд.

Глава 19

– Сань, тут... – Голос дежурного в трубке оборвался и через секунду зазвучал снова. Говоривший зачитывал текст. – Старший лейтенант Николаев интересуется, кто ведёт «Золотого тельца». Говорит, что знает, кто твой сгоревший красавчик.

– О как! – Вырвалось у Марченко. – Ну расскажи ему дорогу.

Через минуту дверь кабинета распахнул высокий широкоплечий молодой человек лет двадцати пяти. Белая футболка с модным фэнтезийным принтом, потёртые синие джинсы и кеды составляют странное сочетание с несколько грубоватыми чертами лица и манерами эдакого деревенского увальня. Вошедший развернул служебное удостоверение.

– Здравствуйте. – Ладонь Марченко хрустнула от мощного рукопожатия. – Инспектор дорожно-патрульной службы Николаев Олег Николаевич.

Марченко тоже представился и предложил перейти на «ты».

– Да я уже знаю. – Выпалил ДПСник и оглядел обстановку. – Я искал следователя, занимающегося пожаром в бизнес-центре.

– Присаживайся. – Хозяин кабинета жестом указал на стул. – Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – отказался гость.

По всему видно, что парень сильно волнуется. Кажется, его густые рыжие волосы даже несколько приподнялись.

– Вчера я остановил для проверки документов машину. Водитель попался такой разговорчивый, но странный.

Следователь вскинул брови.

– В каком смысле?

– Перевозил в багажнике большую бутылку с самогоном. Офисная такая штукавина, для воды. А потом вижу в новостях кадры с места происшествия и узнаю этого человека. Вот бы знать, что у него тогда творилось в голове!

Марченко придавило ощущение того, что задержи патруль того уроды, то, возможно, всего этого дерьма бы не произошло. Сплошные «если», «возможно» и прочие допущения. Впрочем, он фаталист и считает, что от судьбы не скрыться. Это... успокаивает, что ли.

– Здорово! – Следователь выбил барабанную дробь на столешнице и откинулся на спинку стула. – Сейчас угадаю: этот водила сам сказал, что у него самогон, и ты ему, конечно, поверил.

– Ну... никто не запрещает перевозить в машине алкоголь... – Олег виновато развёл руками. – К тому же он вел себя адекватно.

– Ладно, что сейчас что об этом. – Прервал его Марченко, осознавший, что перегибает палку. – Расскажи, что за разговор состоялся у вас.

Инспектор задумался.

– Сказал, что едет на дачу. Я ещё помню, переспросил его, мол, дачи – в другой стороне. А он типа «ещё надо забрать сестру с племянником». На даче у него работает бригада строителей, занимаются домом. И сивуха эта, дескать, предназначается для них. Спокойно так отвечал на вопросы, не дёргался и не суетился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.